

МАРГАРИТА МАНГЕЛЬ

БАГРЯНАЯ ЛАСТОЧКА

18+

Маргарита Мангель

Багряная Ласточка

<https://litres.ru/74650212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ришель Мартлет — вампирша поневоле. Уже три года её жизнь это четыре стены в шумной вампирской общаге, псевдо-кровь по талонам, кошмарные сны и неутрачиваемая тоска по прошлому.

Так бы она и тянула свалившуюся на голову вечность, если бы судьба не подкинула встречу с нагловатым аристократом, которому грозит выселение из особняка.

Сделка, которую он предлагает, заманчива и проста: фиктивный брак в обмен на избавление от страха.

И всё бы ничего, да только в городе начали убивать вампиров. Интернет заполонили слухи о возвращении охотников, а безжалостная бюрократия не готова так просто поверить в живую любовь.

Содержание

Глава 1. Гипердиагностика по дружбе	4
Глава 2. Контролируемая экспозиция	29
Глава 3. Страх рыночной площади	61
Глава 4. Условия успешной манипуляции	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Маргарита Мангель

Багряная Ласточка

Глава 1. Гипердиагностика по дружбе

— ...И возвращаясь к нашим новостям: сегодня, в полдень по Мокришу, Нижняя и Верхняя палаты парламента приняли указ о расселении аристократии.

— Впервые об этом заговорили ещё в конце прошлого десятилетия. Потребовались годы, прежде чем дело сдвинулось с мёртвой точки.

— Какие настроения у аристократов?

— Наши источники сообщают, что волнений не ожидается.

— И всё же: Департамент Гемоники наготове?

— Как и всегда. «И под солнцем и под луной — в доверии сила, в контроле покой».

Шум соседского телевизора отдавался в висках пульсирующей болью. За последние три года Ришель ни разу не удалось проснуться в тишине: дед Брогуш исправно включал новости. Только вот даже если б он был кроток и мил, ничего бы это не поменяло. Никуда бы не делась та тяжесть, с

которой Ришель встречала каждый новый закат. Её мучили сны: изматывали шумом майского дождя и запахом мокрой травы, преследовали воспоминаниями о беловолосом мужчине без лица.

Пошарив ногой в поисках тапочек, Риш на мгновение скривилась. У неё, видите ли, образовалась ужасная привычка: бросать вещи на пол. Вот пальцы уткнулись в смятую кофту, зацепили шнур от наушников, пустую коробку, пупырчатую плёнку; зазвенела и покатилась куда-то банка из-под энергетика. Липким холодом глянцевой бумаги напомнили о себе буклеты, что Департамент щедро распахивал по почтовым ящикам. Острый угол письма, попавший меж ногтем и подушечкой пальца, кольнул мозг позабытым воспоминанием: вчера из следственного комитета пришла новая отписка, прочесть которую Риш не успела лишь потому, что упала без сил.

«Следствие ведётся... подозреваемый по вашему делу не найден...» — пробежала она взглядом по буквам.

— Который месяц одно и то же...

Перед глазами сама собой предстала комната, полная затхлого жёлтого света: в ней ни единого окна, по центру стол из ДСП, за ним, на выкрашенной в серый стене, чей-то строгий портрет. А ещё холодно, как в морге.

— *Опишите нападавшего.*

— *Я его не видела, он... сбоку был. Повалил меня и пришёл откуда-то сбоку.*

— Пришёл, значит... своим ходом? Может, хоть что-то запомнили? Обувь? Браслет? Не торопитесь. Подумайте.

— Не помню я... не помню! Я... ударилась головой, когда упала. Всё расплывалось.

— Ну же, госпожа Мартлет, тут любая мелочь пригодится.

— Я... не помню, говорю же, не... подождите... постойте... кажется... волосы! У него волосы были белые, как снег!

— Очень хорошо. Белые волосы. Какой длины?

— Э-э-э... длины? Я не... я... хотя... ну, где-то по сюда, наверное... чуть ниже плеч.

Ришель перевернула письмо, отгоняя бесполезные отголоски прошлого. На обороте красовалась очередная инициатива Департамента:

«С 1 мая 1118 года открывается приём заявок на льготную программу восстановления прерванного обучения. Набор ведётся среди студентов высших и средне-специальных учебных заведений. Дополнительная информация по адресу: gkpi://образование.гемос.гра».

«Вот же придумали... а смысл?» — смяла она листок, прицелившись в набитый мусором пакет.

«БАХ-БАХ-БАХ!» — забарабанили в дверь.

Импровизированный снаряд промазал, упав на ковёр. Стоило солнцу зайти, тишина в общежитии становилась непозволительной роскошью. Впрочем, на *этот* стук злить-

ся было невозможно.

— Чего тебе? — судорожно прищурилась Ришель. Полоса коридорного света скользнула сквозь зазор приоткрытой двери, и будто хлыст ударила по вискам.

— Поглядите-ка на неё, глаза разлепила, а уже не в настроении.

— Так у Брогуша телек орёт...

— Ага, орёт. Аж стены трясутся, — глянул незванный гость на соседскую дверь. — Ну ничего, мы его отчитаем на вампирсовете!

— Это хоть раз помогло? А-а-а... — Она отмахнулась от собственного вопроса. — Брось, лучше скажи, чего пришёл?

— Ну как чего... там новые жильцы на подходе!

Круглое, словно бильярдный шар, лицо друга сияло от счастья. Широкоплечий, лысый, с физиономией такой, какую не стоит встречать в тёмном переулке, и всё-таки точь-в-точь ребёнок, заполучивший вожаденную игрушку. В отличие от Ришель, Ломаш Барлинг обожал знакомиться с новыми людьми.

— Надо же... месяца три никого не присылали...

— Три? Четыре не хочешь? Департамент блюдёт! Обращений-то всё меньше и меньше. Радостно это, конечно... но и горестно немножко.

— Чего тут горестного, что людей в вампиров не обращают? — нахмурилась было она, но в висках так стрельнуло, что спорить мигом перехотелось. — Слушай, если хочешь,

чтоб я с тобой пошла, то я сегодня не...

— Не, не, не, Ришка. Сегодня без «не», — перебил он её.
— Ромелла тебя встречающей назначила.

— Меня? За что?!

— Э-э-э... ну, может, кто подсказал ей, подумавши, что тебе стоит размяться?

— Кто подсказал?

Его взгляд шмыгнул куда-то вбок.

— Ну, кто-то, кто мимоходом так напомнил её прихлебалам, что Ришель Мартлет из триста третьей будет недовольна, если её пошлют встречать? — Заметив возмущение во взгляде подруги, он поспешно добавил: — Вот уж прости, что помешал зарастать плесенью! У тебя же там дышать нечем! Ты бы хоть проветривала!

Ришель невольно обернулась: да, в комнате духота и беспорядок, но, как бы там ни было, это её комната. Её убежище. Её нора. Её защитный форт.

— Ты пользуешься моей добротой.

— Кто-то же должен ей пользоваться, чего зря пылится? К тому же сама знаешь, меня Вреднелла не назначит, а тебя только в путь!

Их комендант, Ромелла Виншу была ещё той «занозой в заднице». Именно поэтому Барлинг и придумал ей прозвище «Вреднелла». А за придумку схлопотал штрафной лист, красный! Получишь десять жёлтых, три красных и один чёрный и вылетишь как пробка из этого «райского» местечка.

Отправишься куда-нибудь на север, где холодно как в аду. Так что, не имея выбора, Риш юркнула в комнату, хлебнула немного бодрящего пойла, натянула кофту, подобранную с пола, и, закрыв дверь на ключ, отправилась выполнять возложенный Резервацией долг.

— Дело ведь не в Брогуше, да? Опять эти кошмары? — загромыхал Барлинг, стоило им сойти с места.

— М-м-м, да...

Говорить о снах Ришель не любила. Те непременно напоминали *о нём*. Так что никто из друзей и знать не знал, что жуткие видения посещают её вовсе не изредка. Они приходят к ней каждый день.

— Ришка, я тут подумал...

— ...знаю я, что ты подумал: вампирам не снят...

— ...не снятся сны.

— Ну... значит, я неправильный вампир, — пожалала она плечами.

— Нормальный ты вампир. Я нашего брата и так и эдак знаю! И кривого, и косого. Просто тебе надо сходить, ну как это... к этому... к мозгоправу! В УРК есть такая дамочка, я сам ходил и ух... скажу тебе, башку прочищает на раз-два.

— Я же говорила, не хочу я к... «мозгоправу»! — сердито глянула на друга Ришель. — Что он мне посоветует? Позитивное мышление? Почаще бывать на свежем воздухе?

— А чего бы и нет? — ничуть не обижался Барлинг. — Свежий воздух — это всегда хорошо!

Она много чего ещё могла сказать о бесполезности психотерапии, но выбрала смолчать. По обе стороны пыльно-оранжевого общажного коридора торчали комнаты других жильцов, а у вампиров слух что надо. Затевать сцену себе дороже. Да и глупо это. Барлинг ей только добра желал. Но с ней всегда так: загоралась как спичка и так же быстро потухала, а после оставался лишь стыд.

Впереди показалась кухня — сквозной и единственный путь на лестницу. Со вчера обеденный стол там завален коробками с рассадой. Март у цветоводов — священный месяц: время сеять виолы и петунии, чтобы к лету было чем засадить палисадник. Вот и две подружки из триста второй, Эля и Аля, решили, что на кухне настоящий простор для их ботанического ритуала.

— О! А я когда проходил, вас не было. Чего это у вас тут? — немедленно сунул нос в чужие дела Барлинг.

— *Вератрум нигрум!* — лучась добродушием, указала на глубокий, полный земли, без единого стебля горшок Эля. Несмотря на свою тёмную природу, женщина эта казалась вылитым солнцем. — Только-только кончила зимовку! Если взойдёт хоть два семечка — большой успех! А уж цветения ждать — годы! Семена везли с другого конца страны!

— Чемерица чёрная, — пояснила Аля. Её лицо, в отличие от лица подруги, оставалось некомфортно серьёзным. Эти две вообще были очень разные: огонь и лёд, блондинка и брюнетка, наполовину пустой стакан и наполовину полный.

— Вымирает.

Эля вышла из-за стола, позвякивая длинными бусами:

— А вы куда намылились, никак новых жильцов встречать? У подъезда вчера только и болтали, что кого-то к нам привезут!

Рот Барлинга растянулся в улыбке:

— Не соврали.

— Лишь бы не пьянь какая, — процедила Аля, стягивая с рук садовые перчатки. — Последний год только и обращают тех, кто в жизни одну бутылку любит. Специально нас так изводят?

— Ну какой специально, Аля? — не соглашалась Эля. — Напьются и спят где ни попадя, вот их и кусают. Меня больше заботит вот что: их всех селят в наш корпус. Чем мы хуже оста...

— Не, ты не права, не только к нам. Вот в октябре селили в... — заспорил было Барлинг, но Ришель нетерпеливо его окликнула. Зацепившись языком, он мог позабыть даже о самом любимом деле.

— Барлинг! Мне от Ромеллы влетит!

К беде Ришель, стоило им выпорхнуть на лестничный пролёт, как к Барлингу вернулось неугомонное желание нравоучать:

— Хорошо, я понял. Мозгоправ не вариант! Тогда у меня другой совет!

— Да знаешь... обойдусь без...

— Ты, Ришка, заиклилась на прошлом! А жить надо настоящим. Слыхала? На-сто-я-щим! Звучит простовато, но ведь правда! Жизнь, понимаешь, штука довольно простая, она, знаешь ли, идёт своим чередом...

— Ты что ли курсы какие собрался продавать? Или книжку по саморазвитию писать? — гулко шлёпала она тапочками по разномастности кафельной плитки.

— А может, и собрался! Вот ты в первых рядах и послушаешь. Предположим, друзья, тебе стоит завести друзей, Ришка!

— То есть ты и Бошек мне больше не друзья?

— Ещё какие друзья! Лучше друзей не сыщешь, но вокруг ведь так много кого!

— Знаешь что, — резко остановилась она, глянув с вызовом, — у меня станет на одного друга меньше, если он не перестанет учить меня жить. С чего бы кошмарам испугаться моих новых друзей, если они не боятся старых?

— Ух... а ведь... правда... Очко в твою пользу. Тц... Ну, коли не друзья, так, может... увлечение какое? Я слышал, увлечения сильно много вырабатывают в мозгах... как его там... серо... серорари...нин?

— Серотонин. И я слышала, он есть в сыре, — продолжила путь вниз Ришель. — Только вот незадача, вампиры сыр не едят...

— Ришка, я же серьёзно... — отчаянно вздохнул друг, грузно вышагивая за спиной.

— И я серьёзно. К тому же есть у меня увлечения... а у кого их нет?

— Даже не начинай. Смотреть всякую гадость в интернете — не увлечение!

— А что, по-твоему, увлечение? Напиваться в баре и орать песни до утра? — бросила она камень в его огород.

— Ну... выпивка точно получше криминала будет. Риш-ка, тебе, может, оттого и снится вся эта баламуть, что ты такое смотришь.

— А-А-А-А-А! Не буду я пить с тобой по барам! И пою я ужасно! Не уговаривай!

— Я не...

— Ты же слышал Алю, ей не нужны новые пьяницы по соседству!

Барлинг издал странный звук, то ли охнув, то ли крикнув, но всё же сдался под напором её ребяческого несогласия. К тому же спор завершило и появление подъездной двери прямо по курсу: Риш на автомате вдавила кнопку магнитного замка и под привычный писк выбралась прочь. Завитки мартовского ветра немедленно накинулись на двух, покинувших своё панельное укрытие, вампиров.

— Ну и дубак! — потёр оголённые плечи Барлинг. — Смотрела прогноз погоды? Когда там уже потеплеет?

Может, они и вечно живущие, никогда не болеющие сверхсущества, но тела их столь холодны, что никак не могут согреться. Ришель порой казалось, её не в вампира обрати-

ли, а в ящерицу какую. Одно удобно: ночью, идя по улице, легко угадаешь, кто перед тобой: если в жару на нём слишком много одежды — вампир. Впрочем, в отличие от многого другого, необходимость утепляться Риш не пугала, она и до этого всего одевалась, с материнских слов, «как капуста». Но Барлинг был другой: он родом откуда-то с юга и терпеть не мог скрывать ни свои бицепсы, ни похотливых русалок на них.

— Точно не в марте. Март и не весна толком, — заключила Ришель.

— Как пить дать, глобальное похолодание виновато! Век назад уже бы всюду зелено было!

И то ли из-за глобального похолодания, то ли из-за хмурого неба над головой, во дворе сегодня царила диковинная тишина. В обычный день на лавочках у подъезда уже бы собралась свора клыкастых сплетниц; из форточки первого этажа гудело бы ночное радио, а под ветвистым грабом в шашки играли бы бессмертные старики; подле кустов сирени, что пока не зацвела, бледнолицые хозяйки развесили бы бельё, а по пустырю гоняли бы мяч двухсотлетние дети. Дети помладше творили бы глупости на игровой площадке; и прямо за той, в старой беседке, гурьбой собрались бы вечные подростки и жались мёртвые влюблённые. Даже на дворовой стоянке сегодня никто не чинил раритетный автомобиль. Только одна тёмная фигура быстро пересекала двор. Она шла им навстречу, и, пока не оказалась рядом, Риш никак не могла по-

нять, кто это.

— Эй, Гэллка, ты откуда такая? — и не подумал о такте Барлинг.

Не останавливаясь, соседка бросила на них взгляд из-под тяжёлых век. В ночи, на улице, Гэлла казалась ещё мрачнее обычного. Чёрные провалы глаз. Чёрные потоки волос. Чёрные ткани одежд.

— Она в наушниках. Не слышит тебя... или делает вид, что не слышит.

Барлинг почесал затылок.

— Никогда не отвечает.

— Значит, не хочет. Отстань ты от неё.

— Совсем не интересно узнать, какой человек под боком живёт? — запричитал Барлинг. — Вам бы с ней и подружиться. Вы больно похожи. Да и живёте через коридор. Того и гляди станете лучшими подружками!

— И ничего мы не похожи, — буркнула Риш неуверенно.

Гэлла и правда иногда напоминала ей себя: жила тихо, совсем одна, много времени проводила взаперти, да и по возрасту почти одногодки. Наверное, не подружись Барлинг с Ришель, она бы тоже стала молчаливой тенью общежития. Оглянувшись на удаляющуюся фигуру, Риш поняла, что Гэлла ходила в ларёк за сигаретами. Вот в этом они с ней крупно отличались.

— Опа! — хлопнул в ладоши Барлинг. — Да мы как раз вовремя, тютелька в тютельку.

И правда, на асфальтированный пяточок перед высоким сетчатым забором, окружавшим всю Резервацию, оглушительно тарахтя, заезжал автобус.

— Клянусь доброй памятью о моей матушке, они хотят угробить всех, кого сюда везут! Из этого корыта сейчас гайки посыплутся!

— Думаешь, чтобы прибить пару обращённых, они и своих пустят в расход? Внутри же гемоники, — парировала Риш причитания друга.

Барлинг глухо хохотнул. Как и все вампиры, чья жизнь полностью изменилась с момента поражения в Серебряной Войне, он был знатный любитель поругать человеческую власть. И всё же не дурак и прекрасно понимал, когда давал лишнего.

— Верно говоришь. Парочку своих они бы променяли этак на сотню наших. И всё же... ну ты погляди на эту развалину. Лучше им мотор не глушить, не заведутся.

Но советов Барлинга никто не услышал, и машина всё же затихла. Только остались гореть передние фары, слепящие взгляд. Сквозь свет тех в сторону Ришель уже спешил молодой гемоник. Одинокие крестики на погонах серого форменного плаща выдавали в нём кого-то, кто только недавно приступил к службе. Лица его Риш не узнала. Текучка кадров в Резервации — дело обычное. Сюда то направляли практикантов из столичного Института Гемоники, то новички не справлялись с тяжестью ночных смен. Конечно, име-

лась и парочка старожилов, но те редко высовывали нос из сторожки.

— Ришель Мартлет? — до скрежета в зубах официально уточнил паренёк.

Риш кивнула, доставая из кармана удостоверение. Маленькая пластиковая карточка. На ней имя, фото, дата рождения и дата обращения. Сбоку приписка: «вампир — низший».

— У меня распоряжение от коменданта Виншу, и согласно этой бумаге сегодня вы уполномочены встречать жильцов, — недобро поглядывая на Барлинга, продолжал давить официоз юноша. — Только вы и никто более.

— П-ф-ф-ф... — фыркнул Барлинг.

Громадные руки его покоились на груди, мышцы выпирали мощными округлостями. Вид этот мог напугать любого, кто не знал о добродушии здоровяка.

— Т-т-так что... не создавайте п-п-п-роблем и покиньте п-п-пожалуйста территорию, вас тут быть не должно! Из-за вас мы не можем выпустить новоприбывших!

— И не подумаю! Я Ломаш Барлинг! Я не создаю проблемы, я их решаю. Со дня основания этой Резервации ни одна встреча не обошлась без меня. Ты что, не видишь, как я силен? А что, если новообращённый кинется? А, парень? Тут-то я и сгожусь!

— П-п-покиньте территорию, немедленно!

— Тьфу на тебя. Зови Людоша.

— Господин Людош в отпуске.

Барлинг сплюнул на землю. Манеры у него были ужасные, но с этим приходилось мириться: не так просто научить манерам того, кто триста лет тому назад промышлял пиратством.

— Вот бедолага. Это ж ему теперь с Наталкой наедине быть...

— Я повторяю, вас тут быть не должно!

Пальцы юноши, вздрагивая, потянулись к ремню. На том, на привычном для всех гемоников месте, висел распылитель «серебряного снега» — штуковины, что могла за секунду парализовать любого вампира. Именно из-за неё любые аргументы Барлинга рассыпались в пыль. Даже с самым безумным новообращённым хилый паренёк справился бы сам.

Тем временем с водительского места раздражённо высунулась голова, украшенная фуражкой:

— Хватит сиськи мять, выпускайте бабу! Зонек, предупреждали же, полегче! Барлинг нормальный мужик. Под мою ответственность!

— Но, сэр... процедура... сэр, — запротестовал парень, вызвав этим новую гримасу недовольства на лице водителя.

Юнец пока верил в букву закона, верил больше, чем в местечковые порядки и правила, верил и оттого в глазах старых гемоников казался сущим дураком. Но в отличие от них Ришель ощутила к нему крупицу уважения: она была из тех, кто считал, что жить нужно по правилам. Конечно, если эти

правила не придумали дураки.

— В жопу процедуру, сейчас польёт как из ведра. Час чекать вслепую по мокрой дороге? Хочешь мне это устроить?

И верно, порывы ветра становились всё более резкими, заранее сообщая о намечающемся дожде. Зонек с явной неохотой принял из рук Барлинга удостоверение и, убедившись, что страшный лысый вампир именно тот, за кого себя выдаёт, кивнул остальным. Автобусная дверь-гармошка отъехала вбок.

Почти сразу из транспорта показалась невысокая женщина. Лет ей — не больше тридцати. Лицо, как и лица многих из тех, кто сюда прибывал, бледное и несчастное. И если второе со временем ещё могло измениться, то с первым ничего не поделаешь. Вампиры свежим цветом лица не отличались. Только вот существовали вещи и похуже мертвенной бледности: под обеими руками прибывшей вампирки, словно взлохмаченные птенчики, ютились две девочки, коим на вид было не больше шести или семи.

— Вот жеж его за ногу... — сквозь зубы выругался Барлинг, немедленно растеряв всё своё нетерпение.

Ришель и сама опешила. Обращённые дети — дело непростое. Что взрослому вечная жизнь, ребёнку — ловушка без конца.

Июнь тогда выдался особенно жарким, настолько, что во-

датель всю дорогу бранил неработающий кондиционер. А вот его попутчиков жара трогала мало. Куда больше новообращённых вампиров беспокоила их новая жизнь.

Крепко-накрепко вцепившись в ткань джинсов, Ришель сверлила одну и ту же точку за окном. И если поначалу на горизонте ещё мелькали огни старых заводов, то после начались сплошные поля. Ночь бесстыдно играла с воображением путников, оборачивая колосья океаном разлившейся тьмы. Казалось, мгновение, и автобус поглотит пучина. И лучше бы так и случилось, думала Риш.

Ей пару дней как исполнилось восемнадцать, и свои восемнадцать она запомнит запахом бензина, оранжевым поролоном, торчащим из порванных сидений, и проплывающей мимо надписью: «РЕЗЕРВАЦИЯ — 12». Огромные буквы растягивались по решётчатому забору. Тогда вывеска была совсем новой. Три года спустя она превратится в выцветшую версию самой себя. Слова Барлинга о том, что транспарант не сегодня завтра заменят на большой стальной знак, точно такой, как стоял на въезде раньше, так и останутся словами.

— Приехали! — гаркнул водитель и резко дал по тормозам. Те застонали, знаменуя конец пути. По салону загуляли шепотки: «Уже?», «И что дальше?», «А нас покормят?», «Холодно-то как...»

Пара помятых мужчин средних лет, приятного вида женщина в шляпке, маленькая скрюченная старушка. Все они

попали сюда из изолятора и все они впервые видели свой новый дом.

— Я Ломаш Барлинг! — доносилось с улицы. — Сколько вам повторять? Сегодня встречаю я и Бошек, спросите у госпожи коменданта!

— Вас нет в списке встречающих, господин Барлинг.

— Да что б её... Обманула...

— Хватит... — раздался новый голос. Усталый, но уверенный. Подле автобуса появился худощавый мужчина с впалыми щеками.

— Сэр, Людош... сэр!

Риш и сама не заметила, как удавка волнения ослабла, позволяя увлечься происходящим за окном: там совсем юный гемоник вытянулся по струнке при виде начальства.

— В-о-о-т! Так-то лучше. Барлинг, дружище, снова тебя дрючит эта мелкая бестия? Чем ты опять ей не угодил?

— Опять? — хохотнул мужчина, назвавшийся Ломашем Барлингом. — Да всё по-старому. Восьмой десяток лет идёт, а она никак не уgomонится...

— Встаём! Выходим по очереди! Не толпимся! — прокатилось по автобусу. Гемоники, что сидели позади, поднялись, готовые подгонять обращённых вампиров в спины. Тревога захлестнула Риш с новой силой. Будь её воля, она бы вцепилась в сиденье, протестуя и крича.

— Пошла! — гаркнул гемоник.

Сопrotивляться бесполезно: у них серебро. Но и за грани-

цей автобуса, ей не было жизни. Ужасающая неотвратимость происходящего захлёстывала с головой. Риш замерла на последней ступеньке автобуса. Сойти на этот асфальт означало потерять себя.

— Не тормози! — Её грубо вытолкнули прочь. Из глаз покатались слёзы.

— Эй, ты в порядке? — обратился к ней тут же подоспевший голос. Несмело подняв взгляд, она наткнулась на улыбочивое лицо Ломаш Барлинг. Тот был вампиром, но сиял добротой. И это было так странно: чудище, в котором есть свет.

Но в порядке ли она? Конечно, нет! Её жизнь украли, заменив какой-то иной!

Ломаш Барлинг же, не дождавшись ответа, без стеснения взгромоздил ладонь ей на плечо и, сжав то поддерживающе, окинул взглядом новоприбывших:

— Будем знакомы: я Ломаш Барлинг! И я тут для того, чтобы всё вам показать. Не стоит бояться! Никто вам зла не желает. У нас вполне обычная жизнь идёт своим чередом, и я чертовски рад вас всех здесь видеть. О, и совсем забыл, это Бошек!

Ришель перевела взгляд на того, на кого указал здоровяк, но лица было не разобрать. Юноша низко склонил голову, подписывая какие-то бумаги. А, сделав это, расторопно отвернулся, позволяя заметить только рисунок на кофте: дурацкую рожицу мультяшного вампира с игрушечными гла-

зами.

— Эй, куда намылился, Бошек? — возмутился Барлинг.

— Я встречающий, я встретил, — не оборачиваясь, крикнул ему паренёк. — Дальше ты, тебе же это по кайфу, не мне!

— Бошек, да что б тебя! Не порти соседям момент! Они это на всю жизнь запомнят!

Но парнишка уже уходил. Прочь, в высокий панельный дом, одиноко торчавший из пустыря. Ничем не отличавшийся от сотен других домов и всё же абсолютно иной. В окнах его, несмотря на давно перевалившую за полночь стрелку часов, тёплыми квадратами пылал свет, а со двора доносились развесёлые голоса.

Ночь здесь была днём, а день ночью. Дом наоборот. Мир наоборот. Жизнь наоборот.

Место, что никогда не станет для Ришель родным.

Из автобуса так больше никто и не появился. Барлинг был прав: Департамент всё лучше контролировал обращения. Только вот где было их «лучше», когда монстр напал на этих детей? Не было ни единого сомнения: женщина перед ними — жертва преступления, никакая мать не пошла бы на такое осознанно.

— Это... все? — с надеждой уточнил Барлинг. Если бы

сейчас из-за двери-гармошки появилась развесёлая толпа, это бы разрядило атмосферу.

Зонек внимательно сверился с бумагами:

— Никаких вам новых собутыльников, господин Барлинг.

— Ха... Ты смотри, Ришка, — выдавил из себя весёлость друг, — моя слава вперёд меня идёт.

Брезгливо поморщившись, юный гемоник развернулся на каблуках форменных сапог и сунул в руки Ришель лист с печатью Департамента. На том в столбик были выписаны имена:

Полаша Конвальд

Марилька Конвальд

Пирисиль Конвальд

Мать и две дочери. Девочки, которые никогда не станут взрослыми. Им повезёт, если их не настигнет одна из тех форм сумасшествия, что так присущи обращённым детям: отчаянное желание покончить с собой или с миром вокруг.

Оставив неказистую подпись, Риш неуверенно проговорила:

— Госпожа... Конвальд, следуйте, пожалуйста, за мной, я провожу вас. Мы с Барлингом...

Она выразительно глянула на друга: не время теряться! Точно уж не тому, кто втянул её в эту работу. Это ведь ему нравилось быть курицей-наседкой! *Он* любил получать ключи с номерком и провожать новичков в пыльную комнату. *Он* обожал выдавать свежее постельное бельё и запас псев-

докрови на первое время. *Он* был в восторге от экскурсий по кухням, ванным и прачечным, по этажу и двору, от знакомства с соседями. *Он* был до безумия счастлив демонстрировать дорожки и мусорные баки. А уж в сотый раз завести старый проектор и показать ту симидесятилетней давности плёнку о жизни в Резервации было для него сущим экстазом.

Барлинг дёрнулся, будто скидывая с себя корку льда.

— Ветрище-то какой! Вот-вот гроза начнётся! Пойдёмте скорее в дом! — затараторил он, аккуратно подталкивая госпожу Конвальд в спину.

Женщину же такое самоуправство возмутило. Она отшатнулась, девочки сильнее ухватились за материнскую юбку.

— Не трожьте меня! — Голос её задрожал, а лицо исказила гримаса отвращения. — Вы... оба, чудовища!

— Эй, — вырвалось у Ришель, — не надо тут хамить! Мы вообще-то тоже обращё...

— Ой, да вы, наверное, устали с дороги! — не дал ей взорваться Барлинг. — Сейчас устроим вас, и девочек ваших угостим чем-нибудь вкусным. Что насчёт сладко-кровавого пудинга? Звучит неплохо, да, малютки? Повышенный сахар опасен для людей, но мы-то с вами не люди!

Но ненависть не отпускала бледные черты госпожи Конвальд, отчего и Ришель захлестнул гнев. Да, она прекрасно понимала чувства этой женщины: в конце концов, судьбы их схожи. Но сравнение с чудищем сводило с ума. В Риш от человека оставалось больше, чем во многих настоящих людях!

Её распирало от желания хорошенько это объяснить, но вмешался Барлинг, не оставлявший попыток наладить контакт.

— Меня звать Ломаш Барлинг. Живу на седьмом. А это Ришка, с третьего. Да понимаю, выглядит несговорчивой, но поверьте мне на слово, это она выпендривается, душа у неё широченная. Вас, я думаю, на первый поселят, там комнатки побольше, как раз для семейных. Сейчас пойдём и у Ромеллы, нашей комендантши, всё и узнаем. Славные у вас девчонки! Ну просто красавицы! Я, знаете, тоже когда-то был отцом двух прекрасных малюток... так что чувства ваши мне понятны. Кстати, у нас вон там, перед домом, и детская площадка имеется. Добротная: качели, карусели, кое-что я и сам смастерил. Большую такую мачту, чуть попозже покажу, если дождь не пойдёт.

Закончив обильную тираду, Барлинг широко улыбнулся, выставив напоказ острые длинные зубы. Одна из девочек мигом захныкала. Громко. Очень громко. У Риш затрещало в голове. Она дала Полаше время успокоить ребёнка и процедила суше прежнего:

— Идёмте.

И хоть госпожа Конвальд вновь злобно на неё зыркнула, но будто бы даже смирилась со своей участью, гордо выпрямив спину и взяв дочерей за руки. Ещё немного, и можно будет сбежать к себе в комнату, понадеялась Риш. Только этому не суждено было сбыться: порывистый ветер, обещавший мерзкий холодный мартовский дождь, вместо капель донёс

до них оклик. Буквы складывались в слоги:

— ПО-ЛА-ША!

Кричал мужчина. Запыхавшийся, с красными щеками и испариной на лбу, с перекрученным воротом рубашки, он стоял за забором, выкрикивая имя. Тяжёлая клетчатая сумка сползла с плеча госпожи Конвальд и упала. Полаша «ожила» на глазах, лицо её, ещё секунду назад запуганное, затравленное, озлобленное, преобразилось. Поднялись уголки губ, просиял взгляд, и даже щёки, хоть это было и невозможно, будто бы порозовели.

— Папа! Папа! Папочка! — заголосила одна из девочек и бросилась к мужчине. А за ней и мать, и сестра.

— Эй! Нельзя! Забор посеребрённый! — только и успела крикнуть Ришель.

— Тихо. Тихо, — мягко, почти трепетно произнёс Барлинг. — Дай голубкам помиловаться. Им и попрощаться, поди, не дали.

— Чего это не дали? — буркнула Риш. — Не знаю, как было в твоё время, но сейчас времени дают предостаточно.

— Эх, Ришка. Было бы мне с кем прощаться... да и... ты не понимаешь... Прощания — дело такое, сколько ни прощайся, не напращаешься.

Ей вспомнились слёзы матери, сдержанное лицо отца, причитания старшего брата и недовольство младшей сестры. Семейство Мартлет было не очень хорошо в прощаниях.

— Нет уж, пойдём отлепим её от забора. А то мне влетит

от Ромеллы. Я же встречающая.

Пнув одинокий, неизвестно как попавший на асфальт камушек, Ришель сделала широкий шаг. Ладонь Барлинга грузно опустилась ей на плечо, сжав то.

— Ришка, я, кажись, понял.

— Чего понял? — насторожилась она.

— Чего тебе надо. Ну, против твоих этих кошмаров.

— Творец! Опять ты об этом?! Ну что, что мне надо?!

— Влюбиться тебе надо, Ришка.

Ришель дёрнула плечом, смахивая с себя широченную ладонь.

— Ой, да завались ты.

По небу прокатился гром, на нос упала первая капля дождя. Где-то недалеко закричал юный Зонек:

— Отойдите от забора, немедленно! Он посеребрённый!

Чаще всего Барлинг оказывался прав, с этим сложно было спорить. Но вот сейчас заблуждался. Чтобы избавиться от кошмаров, Ришель нужна не любовь: ей нужно встретиться с монстром лицом к лицу.

Глава 2. Контролируемая экспозиция

— Ри-и-и-шель! — нараспев раздалось её имя.

Игривый тон, беззаботное настроение — в кухню вошёл Бошек. Замерший было в дверях, он качнулся с пятки на носок и двинулся в её сторону. Выглядел так, будто где-то намечалась вечеринка, хотя вечеринкой обычно был он сам.

— Собрался куда?

— В город, куда же ещё?

— Ну не знаю, вдруг... в Нижние Мошкавцы? — пошутила она.

Бошек встал рядом, у самой плиты.

— У тебя кровь свернулась.

— Ничего она не свернулась. Так и должно быть, это ведь пудинг.

— Это *был* пудинг, а теперь это блин.

Извечная ухмылка обращала лицо Бошека в по-хитрому «лисье», а встрёпанные вихры тёмных волос придавали ему особого озорства. Из-за всего этого ни одно его слово никогда и никем не воспринималось всерьёз. Не поверила ему и Ришель, но в кастрюлю всё же заглянула: кровь не просто свернулась! Приклеилась ко дну, напоминая подошву!

— Вот блин...

— Я и говорю, блин.

— Это ты меня отвлѣк! — запротестовала она, прекрасно, впрочем, понимая, что виновата сама.

— Жаль того несчастного, кому придѣтся это есть. Ты ведь не себе готовила? Кровь настоящая. Или постой... наша Ришель начала нормально питаться? — притворно удивился он.

Злобно зыркнув, Риш одним махом выключила плиту, в три шага дошла до крючка и, сняв фартук, повесила его на место.

— Это для Пирисиль и Марильки. Барлинг попросил.

— Барлинг... Барлинг... В три сотни лет уже можно понять, что не любая женщина умеет готовить. Как он тебя заставил?

— Просто попросил. Я что, кажусь такой несговорчивой?

Друг задумчиво глянул на лампочку в потолке (та давно потеряла плафон), коснулся серьги в ухе и, вновь качнувшись на пятках, ответил:

— Ну типа.

— Типа?

— Типа... да.

— А... неважно, — отмахнулась она. — Хотел чего?

— Да так, поздороваться, — принял Бошек невинный вид. — Спускался да учуял тебя.

«Учуял». Ришель скривилась. Пока высшие вампиры умели кучу всего, низшие были кто во что горазд. Бошека вот

природа наградила необычайным нюхом. Вынюхивать окружающих — разве же это не отвратительно? Риш благодарила Творца, что ей такой способности не досталось. Впрочем, она вообще ничего не умела: для такого нужно было пить кровь.

— Э-э-э, мерзость, — высунула она язык.

— А вот и нет. Я же говорил, ты пахнешь очень приятно. Как мокрая трава после дождя, как влажная земля, знаешь, такой чернозём, что рассыпается в пальцах.

От Ришель должен был исходить запах пота и кожи, шампуня и мыла, быть может, пыли и несвежих носков, но Бошек свой нюх описывал иначе: Барлинг для него был морем и солью; Марцелина — жвачкой, где на глянцевых вкладышах печатали комиксы о любви; Ромелла — накрахмаленными воротничками и любимым парфюмом всех женщин за пятьдесят. Вполне понятные вещи. Почему же Ришель пахла своим бесконечным кошмаром?

— Это некрасиво, нюхать людей!

— Хорошо, хорошо, — примирительно поднял ладони друг. — Пошёл-ка я, а то больно ты нервная.

Риш сердито дёрнула головой: пусть валит прожигать свою бесконечную жизнь! И так последнее время совсем на неё забил! Друг называется! Бошек в ответ только развёл руками, крутанулся на пятках и отправился восвояси. Перед глазами заплясал мультяшный вампирёныш. Он раскачивался из стороны в сторону вместе со своими этими дурацкими

глазами, и будто бы именно он напомнил Ришель о кое-чём особенно важном.

— Бошек, стой! — резко бросила она.

Вампирёныш замер, предвкушая её стыд. А когда скрылся, появилось любопытное лицо Бошека.

— Стою...

— А-а-а...

— А-а-а?

Со дня, как они с Барлингом встречали семейство Конвальд, миновало два месяца, но у Риш никак не выходил из головы тот разговор. Нет, не о любви, конечно. Любовь — лишняя трата нервных клеток. Думала она о том, что ей и правда стоит занять себя чем-то новым. Так что она перешла по ссылке с оборота письма и выяснила, что Департамент предлагал несчастным низшим вампирам закончить образование, прерванное в момент обращения. И хоть инициатива пахивала очередным пустым популизмом, всё же Риш день ото дня уверялась: это её шанс.

— Ты же... в клуб? — собравшись с духом, спросила она.

— В клуб, — с подозрением ответил Бошек.

— В тот большой, в центре?

— Именно в него.

— Отлично! Стой тут, я переоденусь и иду с тобой!

— Ты? Со мной? Подожди... Ришель Мартлет и Бошек Монгре идут вместе... в клуб? Ты ничего не перепутала?

Удивление Бошека казалось искренним: ехидство исчез-

ло, оставляя место замешательству.

— А что не так? Я не могу в клуб сходить?

— Ришель, при всей моей к тебе любви, но ты домашняя девочка, а там... ну, знаешь, средоточие похоти и порока.

— А вот и нет, я не домашняя девочка! Я самая обычная девочка. И в клубах уже бывала.

— Дай угадаю, тебе не понравилось?

— Мне не понравилось, — не стала врать она.

— Ладно, давай ты сейчас мне всё объяснишь, а потом мы решим, возьму ли я тебя с собой? А то я ничего не понимаю.

— Всё просто, — приняла Ришель важный вид. — Я хочу восстановиться в институте по новой программе Департамента.

— Это ещё зачем? Деньги нужны? Но ведь... работать по профессии всё равно не сможешь, нам ведь нельзя... Попроси Миршу научить тебя красить ногти.

— Нет, я... мне это... а-а-а! Неважно, зачем мне это! Я так хочу!

— Ну... дело, конечно, твоё, только причём тут клуб? Хочешь отметить там своё... э-м-м... восстановление? Может, мы лучше в столовку зайдём, к Грогару?

— Нет. Ты не понимаешь. Конкурс огромный. Берут не всех. Нужно доказать, что тебе это надо больше, чем остальным! А моя специальность — журналистика, и там требуют вступительную работу! Мне надо написать статью о ночной жизни в городе. А где у нас ночная жизнь, если не в том клу-

бе, ты же сам так говорил?! — строгость в её голосе сменялась волнением. Переживания и планы, что несколько месяцев зрели в голове, потоком хлынули на ничего не понимающего друга.

Бошек вновь коснулся мочки уха, теребя серёжку.

— Э-э-э... хорошо, раз тебе так надо, в клуб проведу, — ответил он чуть погодя. — Мне от этого не убудет, так что погнались. Только, слушай, не упоминай меня в этой своей статейке, у меня и так отбоя от поклонниц нет.

— Договорились, не буду, — усмехнулась она.

Наверно, у каждого вампира хоть разок, а бывало: выйдешь за забор и чувствуешь себя закоренелым преступником. Сверка документов, запись в журнале входа и выхода, опасливые взгляды гемоников-практикантов — всё это придавало законному действию запашок некоего правонарушения. И если другие вампиры посещали город чуть ли не каждый день, то Ришель, наоборот, редко пересекала проходную.

В Мошкавец она ездила в основном по делам: раз в месяц отметитья в УРК, получить талоны на питание; раз в неделю посетить «кровавую кухню», обменять талон на семь пакетов псевдокрови. Без подработки только такая еда и доступна.

Вдобавок к этому Ришель, как и всем остальным, разрешалось бывать дома, в её случае у мамы и папы. Департамент отводил на это двенадцать часов ежемесячно. Видите

ли, не положено вампиру проживать с людьми. Вне квартиры проводите время вместе сколько пожелаете, а вот внутри «ни-ни». Только Риш всеми своими часами не пользовалась. Разговоры с матерью непременно ходили по кругу. Вот и последний раз — тоже самое:

— Ну неужели ни одного достойного кавалера твоего возраста? — вздыхала мама.

— Моего возраста? Так непонятно, кто моего, а кому на двести лет больше... — перебирала Ришель сахар-рафинад от скуки. Тот лежал в красивенькой полупрозрачной розетке (у Кассии Мартлет на кухне вообще всё было очень красивое), а помимо неё под носом стоял и бокал, полный крови. «Папа достал на работе», — отвечала мать каждый раз, стоило Ришель спросить, откуда та взялась.

Сейчас же на материнском, усыпанном веснушками лице появилось лёгкое замешательство. Но и оно почти сразу обернулось светлой улыбкой. Этот приём назывался: «Сделать вид, что странности жизни дочери-вампира не ставят в тупик».

— Ах, — махнула рукой мама, — главное ведь не возраст, главное душа.

— Вот незадача, говорят, у вампиров нет души, — раскололся кубик сахара в пальцах.

— Да кто же это такое говорит?!

— Церковь?

Признаться честно, Ришель и краем глаза не касалась свя-

тых книг. Но где-то прочла, будто в них сказано, что в теле вампира обитает бес.

— Глупости какие! Дураки несут бред, а люди подхватывают. В первописании такого нет. Это уже потом придумали. И даже в новописании говорится о любви к ближнему своему! Как же у тебя не может быть души, если ты любишь меня, папу, Лиру и Морека? Будь ты нечистым духом, ты бы не могла любить!

— Да это же не важно, кто и что говорит, мам... — не ожидала она столь бурной реакции.

Мать на секунду притихла, будто сильно задумавшись. Ришель облизнула подушечку пальца. Сахар, как и многие другие растворимые приправы, в теле вампира не усваивался, но и не вредил, при этом позволяя ощутить всю гамму вкуса.

— Ты права, — вновь улыбнулась мама. — Какая нам разница, что другие говорят? Ох... и о чём же я? А... точно! Главное в мужчине... ну раз не душа, так назовём это... характер? Вот твой отец, он по характеру очень заботливый, на такого первым делом стоит обращать внимание.

Да, папа был очень заботлив, даже если лицо его оставалось сдержанным, а выражать чувства он не умел вовсе. Никак, кроме того, чтобы сливать свою кровь в пакет, который мать ставила в холодильник к приходу Ришель. И именно из-за этой дурацкой заботы Риш никак не могла сказать, что делать это не нужно. Всё равно ведь пить эту гадость не будет

и выльет в раковину сразу, как мать отвернётся.

— Поняла тебя, мам. Займусь поисками подходящего кандидата, это будет просто, заботливых людей в мире пруд пруди.

Матушка не была бы ей матушкой, если бы вмиг не считала сарказм в голосе дочери.

— Ришель. Не паясничай! Я ведь серьёзно. Заботу многие воспринимают за мягкотелость, но это не так! Там, где есть место заботе, будет место и большой счастливой семье.

С этой женщиной затевать спор бесполезно. Она выслушает и останется при своём. Не получив от Ришель ответа, мать неожиданно зарделась:

— Есть, конечно, и ещё кое-что важное в выборе партнёра... красивый мужчина — услада для глаз, — налились её щёки румянцем. — Видела бы ты своего отца в молодости. Эта улыбка... ямочки...

— Мам, я тебе прямо скажу. В наше время столько требований — перебор... в интернете пишут, что если мужчина моется, так это уже отлично.

— Что ты такое говоришь?

— Ну, требования к моему потенциальному парню, — начала загибать пальцы Ришель. — Молодой, заботливый, красивый, может, ещё богатый? А чего мелочиться?

Мать растерянно заморгала.

— Богатый тоже хорошо, — сказала она и вдруг зашептала, словно собравшись выдать постыдный секрет. — Но ес-

ли выбирать, то красивый лучше. Может, нехорошо так говорить, но красивым деткам приятнее живётся.

— Деткам?

— Ну да, будущим деткам, — кивнула мать. Для неё завести разговор в подобное русло было так же легко, как дышать. И Ришель прекрасно понимала, почему его ведут именно с ней. Морек уехал в Нориш. У Лиры впереди учёба, а вот Ришель... она не могла переехать, не могла построить карьеру. Мир её ограничивался этим городом и простым трудом, которым дозволено заниматься вампирам. Все пути для неё закрыты, а это значит, что пора выйти замуж.

— Мам, у вампиров не бывает детей, — отодвинула сахарницу в центр стола, где она и стояла изначально, Ришель.

— Нет, бывают, — с удивительной настойчивостью заявила мать. О чём, о чём, а об этом она не забыла прочесть в интернете.

— Ну... это только к высшим относится. Не забивай голову.

— Не только к высшим.

Ришель поджала губы. Она что, серьёзно? Именно об этом хотела поговорить с дочерью, которую видит так редко? Но мать и не думала отступать. Риш закатила глаза и процедила:

— Да, у высшего с низшим могут быть дети.

— Вот, об этом я и говорю! — победоносно объявила женщина. — А ты нет, да нет. И не говори при мне вот это вот: «низший». Что за слово такое?

— Обычное слово, так в документах пишут. Но это не важно, важно то, что ты должна понять: высших вампиров мало, и в Резервации они держатся особняком. Таких, как я, они и за вампиров не считают. Ну, а кто считает, так они или странные, или дряхлые.

— Не считают за вампиров? Это как?

— Ну, так же как и у людей? Кто-то лучше просто потому, что таким родился.

Взгляд матери затуманился, упав куда-то на горы, изображённые на фотообоях, рушились последние надежды Кассии Мартлет на маленьких и совсем не розовощёких внуков. И хоть разговор этот Ришель не нравился, на маму она не злилась. Та была старых правил, и жизнь её крутилась вокруг вполне обыденных забот. Пройдёт время, и она отстанет, отпустив попытки превратить жизнь дочери-вампира в подобие людской.

В город из Резервации вела только одна дорога, и пару раз за ночь по ней непременно ездил автобус. Он был бесплатен для вампиров, но на этом его плюсы заканчивались. Световой день, а вместе с тем и снятие комендантского часа непостоянны, чего уж говорить о поломках в автопарке. Так что расписание гуляло как хотело. И если бездушной машине опоздания прощались, то вампиру — нет. Либо вызывай такси по цене в половину ежемесячного пособия, либо ночуй в городе. Не у кого остановиться? Добро пожало-

вать в «ночлежку». Место малопривлекательное: бетонный мешок с парой-тройкой кроватей, решёткой и мрачным гемоником у входа. Походило скорее на тюрьму, нежели на ситуативную гостиницу.

— Риш, — окликнул её Бошек.

Ришель моргнула, возвращаясь в реальность: мягкий свет, заливавший салон, окунал в ностальгию по поздним вечерам, когда она ребёнком ехала с дачи. Автобус был в точности такой же — очень старый. Только не было в нём того безопасного чувства, когда знаешь: даже во тьме с тобой ничего не случится, ведь рядом сильная отцовская рука.

— Что?

— Я вот щас подумал, это ничего, что ты девчонок без пудинга оставила?

— Я написала Барлингу, что с готовкой не сложилась.

— М-м-м... — понимающе кивнул Бошек. — Ну так даже лучше. Пусть попросит Шошо, её стряпня их хотя бы порадует. Твоя бы... их травмировала. А им этого не надо. Они и так всего боятся.

— Ты бы на их месте тоже боялся. Новый дом, новые люди, а вместо привычных сладостей — кровь с сахаром.

— П-ф-ф... я с детства ничо не боюсь!

— Много о себе не думай, ты не пережил и части того, чего пережили они. На фотографиях с места преступления столько крови... Я в жизни столько не видела! — воскликнула Риш эмоционально, подавшись к Бошеку. — Ты же слы-

шал, да? Где всё случилось? На их даче, там, под Нижними Мошкавцами, — махнула она рукой в сторону.

— Я не вникал... — попятился он, — постой, фото... графиях? Ты где их нарыла, а главное, зачем?

— Так на форум слили... где всякий криминал обсуждают... туда всегда всё сливают.

— Ну и дура ты, Ришель, что такое смотришь.

— Может, и дура, но... понимаешь... не могу не смотреть.

— Не понимаю, вот даже не понимаю. Нападавшего хоть поймали?

— Что ты, конечно нет! — нервно усмехнулась Риш. — Когда они кого ловили?

Бошек откинулся к спинке кресла.

— Да уже и без разницы, да? Поймают или нет. Повзрослеть-то девчонки от этого не повзрослеют? Я тебе отвечаю, я бы умом тронулся, если б меня заперли в теле семилетки. Не сразу, конечно... потом, как...

— Они не сойдут с ума, им помогут, — пресекла размышления друга Ришель. — ... отправят в интернат для обращённых детей, и там они смогут принять себя. А как подрастут, их мама снова будет жить с отцом.

— Не... последнее вот чо ты сказала, не-е-е. Сколько ты знаешь таких семей?

Ришель призадумалась: «Ни одной». Союзы человека и вампира, полноценно одобренные Департаментом, — великая редкость.

— Ну да, говорят, это разрешение как выигрыш в лоте-
рею: у кого-то оно и есть, но у кого?

— Вот почему я никогда не западаю на человеческих дев-
чонок. Это была бы такая драма! Хотя кино снимай!

— Да ты и на вампирш не западёшь. Когда с тобой такое
случалось, чтобы ты в кого-то влюбился? Вот прям по-на-
стоящему?

Бошек закинул голову назад, уставившись на люк в крыше
автобуса:

— Ну-у-у... лет тридцать назад?

— То есть Марцелина?

— Да, но тогда она ещё не придумала себе это дурацкое
имя и позволяла звать как мама родила, — усмехнулся он.

Беззаботность его движений и слов в тысячный раз застав-
ляла задуматься, как это странно иметь друга старше соб-
ственной матери и при этом не ощущать его возраста. Неко-
торые вампиры будто останавливались в развитии.

— Ты, кстати, очень вовремя в клуб собралась... — за-
думчиво произнёс Бошек.

— Вовремя?

— Да-а-а... я и забыл... мы вроде как последние деньки
доживаем, скоро — всё.

— Что всё?

— Клуб всё.

— Ну-у-у... без разницы? Просто напишу, что он закры-
вается.

— Э-э-э-й, а хоть каплю сострадания можно? — стрельнул он в неё глазами. — Не так много мест в городе, где есть вариант расслабиться без того, чтобы гемоники заглядывали тебе в зад.

— Хорошо. Давай я сделаю вид, что мне не всё равно.

— Вот-вот, будьте так добры, сделайте вид. Пожалуйста.

— Что там случилось, почему его закрывают?

— Ты чего? — наклонился он к ней, заглядывая в лицо. — Забыла про указ? О расселении аристократии? Постой... ты о нём даже не слышала? У вас там в ришеляндии за новостями не следят? — щёлкнул он пальцами перед её носом.

Риш поморщилась, отпрянула, сфокусировав взгляд на спинке сиденья, что было спереди. Мысли перекатывались, словно огромные валуны. Она много о чём читала в интернете, но интересы её ограничивались преступлениями, сериалами про преступления и простенькими играми, где надо было распутывать преступления.

— Да нет... вроде слышала, — наткнулась она на воспоминания о треске соседского телевизора. — Но где тут связь?

Бошек сочувственно улыбнулся:

— Стоило догадаться, что ты не поймёшь. Клуб принадлежит клану Сальве, их младшему сыну — Флориану.

— Сальве? Са-льве... — всё ещё туго соображала Ришель. Высшие вампиры, их кланы и прочее падшее дворянство — не её история. Да, телом она больше не человек, но

душа-то знала, кем родилась.

— И ты ещё хотела стать журналисткой? Чем ты на учёбе занималась?

— Ну уж точно не учила семейные древа вампирских аристократов!

— А зря, раз собралась писать про «Ласточку», надо было сделать домашку.

— Э-э-э, «Ласточку»?

— Ласточку, ласточку. Название клуба. Щедро дарю тебе эту инфу.

— Ну... спасибо за щедрость.

— Вот тебе ещё: клан Сальве, они типа очень влиятельные, и когда Флориана сошлют, ни один вампир не сможет выкупить клуб, и тогда-то плакали все развлечения, которые мог покрывать богатенький аристократ.

— Покрывать? Там занимаются чем-то незаконным? Если так, тогда я точно не вижу ничего плохого в закрытии этой дыры.

Бошек тяжело вздохнул, плечи его поникли.

— Э-э-э-х... не понимаю я, чего ты в клуб попёрлась... написала бы... не знаю... про местную комиссионку... я там, кстати, смори, чо урвал...

Клуб, чья судьба так занимала Бошека, вращался в угол улицы напротив остановки «Дом культуры». Всякий раз, проезжая мимо, Ришель вспоминала, что при свете дня эти высо-

кие окна и белокаменные колонны вводили в заблуждение приезжих, заставляя думать, будто перед ними музей. Ночь исправляла путаницу: неоновый крест на фасаде здания говорил сам за себя. Такими помечали все заведения, под крышей которых можно встретить вампира, с той только разницей, что обычно кресты эти всё же были оранжевые, а не ярко-алые. Красный, видимо, должен был подчеркнуть вульгарный формат скрывающегося внутри притона, но Ришель воспринимала его как сигнал об опасности, табличку «Вход воспрещён!».

Правда, любой бы сказал, что угроза ей просто мерещится, ведь место это — пульсирующая точка притяжения на карте их маленького городка. Население Мошкавца не достигало и полсотни тысяч жителей, а вампиров среди них и того капля в море. Сколько точно, Ришель не знала, но Резервация вряд ли могла вместить в себя больше пяти-шести сотен ночных поселенцев. И не было ничего удивительного в том, что провинциальный городок выбрал одной из своих достопримечательностей столь яркое место.

— Ну всё, я пошёл, развлекайся тут.

— В смысле?

Они стояли в коридоре клуба, только-только миновав очередь и охрану. У Бошека это вышло играючи: к исходящим от него волнам уверенности хотелось если не прикоснуться, то схватить парочку и распахать по карманам. Ришель завидовала. Ришель успела замыслить взять у такого, как он, ин-

тервью для статьи и назвать как-нибудь, просто и лаконично: «Интервью с вампиром»?

— Ну... а ты думала, я буду с тобой всю ночь? — спустил он её с небес на землю.

— Почему нет? Чего сложного...

Наклонившись к ней, Бошек зашипел:

— Ты распугаешь мне всех девчонок! Разве это правильно — узнавать всё через меня? Хочешь стать журналисткой? Так иди и делай свои журналистские дела!

— Журналисты постоянно берут комментарии у знакомых! — возмутилась Ришель. — Скажи своим подругам, как есть: я твоя соседка этажом ниже.

— П-ф-ф, быть честным сработало ноль раз. Они к любой ревнуют так, что страшно становится. Пойдёшь со мной, готовься быть закиданной яйцами... — вздохнул друг. — Единственная, кого они боятся, это Марцелина.

Ришель крепко сжала одной ладонью другую: она правда хотела перестать цепляться за других, но это было так непросто. И всё-таки она должна. Должна пройти этот путь одна: написать статью, восстановиться в институте и отвоевать у чокнутого мира свою нормальность.

— Хорошо, Бошек. Ты, в общем-то, прав, так что иди по своим делам, и... ну это... спасибо, что провёл внутрь. Меня бы без тебя не пустили.

— В таком-то прикиде? Конечно нет, — обведя её взглядом, усмехнулся друг, но тут же уголки его губ опустились.

Бошек коснулся её плеча. — Только... не заводи близкие знакомства, хорошо? Болтать болтай, но ни с кем никуда не ходи. И не пей ничего, что тебе могут всучить.

— А? Почему... то есть я и не собиралась, ты меня знаешь... но... почему?

— Ну... почему почему... все эти убийства. Надо как-нибудь поосторожнее, да?

Уходя, Бошек и не заметил, как она замерла. Вот зачем? Зачем, спрашивается, он ей об этом напомнил? Ришель и забыть забыла о тех убийствах! А теперь, стоя здесь в одиночестве и чувствуя, как по спине забегали мурашки, ей захотелось только одного — домой. Надо срочно отвлечься — да и вообще, не о чем тут переживать! Все эти «происшествия» касались только несанкционированных вампиров. Тех, кто скрывался от Департамента!

Стоило снегу сойти, как то тут, то там начали находить обгоревшие тела, а на тех — символы. Весь февраль Ришель изучала это дело в сети, и если предположения интернет-теоретиков верны, то в городе завёлся охотник на вампиров. Правда, Ришель соврала бы, скажи она, что всецело осуждала убийцу. Дикие вампиры опасны. Опасны любые, но эти — особенно. Они не носят браслет, и их невозможно найти, оттого и выродка, обратившего Ришель, ищут так долго. Так что, вероятно, смерти они заслужили. И всё же, как себя ни успокаивай, а убийца есть убийца — и одно его существование пугало до дрожи в коленях.

Отгоняя беспокойство, Риш нырнула в толпу. Плана у неё не было, но даже если б такой и имелся, он бы пулей вылетел из головы. На танцполе оглушительно гремела музыка; в эпилептическом сверкании стробоскопов изгибались искрящиеся неонам тела. Хаос вокруг был настолько бесформенным, что любая нить повествования, к которой Риш попыталась бы прикоснуться, завернулась бы путаным клубком. У Ришель закружилась голова, ей начало казаться, что зал вот-вот перевернётся и все танцующие повалятся с пола на потолок, при этом продолжая двигаться в такт басам. А басы... басы здесь были особенные... знакомый ритм прошил тело. Через стопы забрался в живот и выше, в грудную клетку.

Биение живого сердца.

Открытие это столь поразило, что Риш удивлённо огляделась. Сколько же здесь таких? Тех, кто пришёл за утерянной жизнью? Ответа не было. Но музыка не единственное, что могло заставить вампира почувствовать себя живым. Кровь. Кровь, что пульсировала под человеческой кожей. Окажись в этом месте голодный вампир, он бы вмиг превратил его в кровавую баню. Вот почему гемоники вбивали в сознание каждого новообращённого одно простое правило: «Бойся своего голода».

Вампира заключали в клетку, оставляя один на один с внутренним монстром, и длилось это, кажется, бесконечность. Уже на самом краю безумия, на терминаторе агонии и небытия, словно пытка, граничащая с издевательством, по-

являлась плоть, что скрывала вожделенный нектар. Он прорывался, проистекал чарующим ароматом, сводящим с ума желанием. Но было не вонзить клыки, не испить крови, не растерзать тело, сколько ни бейся о прутья серебра. Голод обжигал: один в один лилось в горло жидкое пламя, и каждый кусочек от пальца до пятки горел, горел, горел, не собираясь тлеть. Мышцы звенели. Сердце готово было взорваться, заляпав собой пол и потолок, и тогда, в шаге от смертельной конвульсии, вампиру давали есть. Не ту оранжевую упаковку псевдо, а кровь реальную, неотличимую от сладких консервированных ананасов с полки супермаркета.

Уже позднее Ришель узнала, что обращённые чаще другого ощущали вкус крови как нечто, что нравилось им при жизни. Хитрая ловушка мозга, задачка для нейробиологов.

Но сейчас танцующие не казались ей заветными ананасами. Испытывай она голод, её бы просто не выпустили из Резервации. Браслет не только отслеживал, где она, но и считывал пульс, по которому легко понять состояние владельца.

С трудом выбравшись из водоворота танцевального безумия, Риш ухватилась за барную стойку, так будто это был спасательный плот.

— Что будете заказывать? — обратился к ней бармен быстрее, чем она успела сесть. Улыбка у него была одновременно надменной и с долей ехидства. Такая, как у каждого второго вампира, будто они знают всё на свете. У Бошека точно такая же, и это порой жутко бесило.

— А да... мне... у вас есть псевдокровь?

Бармен, вовсе не переживая о комфорте клиентки, откровенно захохотал:

— А вы смешная! Мы что, похожи на пункт выдачи соц. пайков? Мне казалось, наше заведение классом повыше. В наличии вторая и третья положительные, и даже чуть-чуть четвёртой найдётся, — сказал он, прикладывая палец к губам, — если хорошо попросить. Но не спрашивайте про остальное: мы в Мошкавце, а не на благородном приёме.

Этого стоило ожидать: вампиры пренебрежительно относились к навязываемому Департаментом заменителю. И всё же они его пили, а куда денешься, когда пособия на натуральную не хватало.

— Тогда просто воды, — бросила она. Может, и странный выбор, но вполне обоснованный: от воды, в отличие от других человеческих напитков, не мутило, лишь быстрее хотелось есть.

Ришель вернула внимание к залу: отсюда тот был виден почти целиком. Сводчатые потолки, уходящие ввысь, балконы, запрятанные под арками. Какое-то воспоминание щекотнуло мозг — будто она уже тут бывала.

— Да это же...

На стойку гулко опустился стакан.

— Бывший дом культуры, — подсказал бармен.

Ришель вновь взглянула на мужчину: он говорил уверенно, но что-то было не так. Её воспоминание вовсе иное: теп-

ло материнской руки, красный ковёр под ногами, ряды сидений, ступенька, слишком высокая для детских ног, и потолок, этот же высокий потолок. Для неё он был ещё выше, когда она была ребёнком. Но картины на нём всё те же — порхающие птицы.

— Нет... тут был кинотеатр...

И вновь на лице бармена заиграла улыбка, в этот раз задумчивая, даже ностальгическая.

— О, вы правы. Память у вас лучше, чем у меня. Тот десяток лет, что здесь был кинотеатр, я и вовсе позабыл.

Эти слова её не удивили, Барлинг тоже вечно что-то забывал. Очень выборочно, и иногда казалось, специально. И всё же, когда долго живёшь, кажется нормальным что-то да позабыть?

— С того времени здесь много что переделали, но некоторые вещи остались неизменны. Колонны, витражи, мозаика под потолком. Господин Сальве утверждает, что высота сводов и особенности их архитектурного исполнения придают залу исключительные акустические свойства.

Ришель потянулась за телефоном — это стоило записать для статьи.

— Вам, кажется, нравится тут работать? — осторожно спросила она. Слово за слово — и наберётся целый материал. Подумав об этом, Риш ощутила настоящий подъём. Она справится! Сама! Без чьей-либо помощи!

Бармен же, раздобыв где-то тряпку, начал протирать ста-

каны. Ехидная улыбка не сходила с лица.

— Сами знаете, выбора у нас немного. Между ночным такси, кассой супермаркета и баром я выберу бар. К тому же, господин Сальве хорошо платит. Так что да, работа мне нравится.

— То есть господин... Сальве, он хороший начальник?

— Насколько могу судить, он неплохой бизнесмен.

— А люди... люди вас не донимают? Не оскорбляют? Не пугаются вас?

— С чего бы им это делать? Они здесь ради необычных знакомств, мало кто с предрассудками. Да и знают, что такие, как мы с вами, точно не опаснее психопата с ножом.

Слова мужчины больно резанули слух.

— Д-д-да... т-т-тут не только на вампира напороться можно. И всё же... если это человек, то ты просто умрёшь, а если вампир... то и чего похуже...

— Вам так не по нраву ваша новая жизнь? — прочёл он её как открытую книгу.

— Я не просила о ней! — рассердилась она быстрее, чем успела хоть что-то предпринять. — Нравится или нет? Что за вопрос такой? У меня был какой-то выбор?

Мужчина пару секунд смотрел на неё очень внимательно, всё так же потирая стакан, а затем вновь залился смехом:

— Всё не так трагично, всегда можно дождаться восхода солнца и шагнуть в его нежные объятия. Я слышал, это бесплатно, не надо даже стоять в очереди в УРК.

Ришель насупилась. Как и большинство вампиров, этот — надменный грубиян. Нужно отшутиться, придумать в ответ достойную колкость.

— Бенни! — раздался какой-то визг. Глаза бармена скользнули влево. К стойке прильнули две совсем юные девушки. Одна из них и выкрикнула имя. Рассмотрев ту по-лучше, Ришель поморщилась: изо рта девушки выглядывали клыки, только вот не настоящие, а пластиковые. — Плесни мне, как обычно, первую положительную, а моей подруге... м-м-м... томатный сок.

Вряд ли в этом мире, что под солнцем, что под луной, нашлось бы что-то бессмысленнее игр людей в вампиров. Они называли себя «вамп» и появились ещё до рождения Ришель. В её школьные годы над участниками субкультуры принято было смеяться, но сегодня эта мода переживала ренессанс. Чёрная с красным одежда, рюши, оборки, корсеты, кресты, черепа, скелеты, гробы, искусственные зубы, депрессивная музыка, ночные гулянки и пакетики псевдокрови — всё это пугало взволнованное старшее поколение до тряски в коленях. «Спасите детей!» — в один голос кричали матери и уполномоченные лица. На государственных каналах, в газетах, в блогах, журналах стояла настоящая истерия. И хоть Ришель было всего двадцать один, она была на стороне обеспокоенной общественности. Вампиры опасны, это не шутки. Не стиль жизни, который можно снять и надеть. Это не красивая картинка про любовь человеческой дурочки и бледно-

лица красавца. Стремление подражать чудищам ни к чему хорошему привести не могло.

Раздумывая об этом, Риш никак не могла оторвать взгляд от горящих алым карнавальными дьявольских рожек, что украшали голову визгливой девчонки. Она выглядела вызывающе: хохотала, размахивала руками, отпускала шутки. Рядом с ней легко было ощутить себя настоящей старухой.

— Эй, ты тут одна? — неожиданно обратилась к ней «дьяволица». — Не освободишь место? Кушель некуда сесть.

И правда, все места подле бара давно заняты; пустовало только одно — рядом с Ришель. Риш перевела взгляд на вторую девчушку — «Кушель». Невзрачный хвост каштановых волос, пухлое детское личико, строгий свитер и маленький плетённый чокер на шее — она была антиподом подруги. Как её угораздило здесь оказаться? Хотя... и у неё изо рта торчали дурацкие пластиковые зубы. Пытаясь объяснить себе происхождение, Ришель предположила: Кушель девочка из хорошей семьи, но без ума от дурацких любовных романов о томных вампирах.

Риш молча слезла со стула. Конфликтовать не хотелось. Особенно с дурочками из вамп.

— Спасибо, подруга! Садись, Кушель, отсюда будет просто суперский вид!

Кажется... вампки (или вампушки, как предпочитали некоторые) пялились на один из балконов? Ложу, как принято это называть. В её детстве там были самые дорогие места

кинотеатра, и она жуть как хотела туда попасть, только вот мама ни в жизнь не купила бы бессмысленно дорогой билет.

— Гретель, — обратилась Кушель к подруге, — а он точно сегодня там... ну... Флориан?

Вот она, суть девушек вамп: сходить с ума по вампирским парням. В особенности высшим и непременно прекрасным. Одна проблема — светское общество их к себе и на миллиметр не подпускало. Вся девичья любовь доставалась кому-то вроде Бошека.

— Конечно! Сегодня четверг, он всегда здесь по четвергам!

Ришель прижалась к бару — так, чтобы в неё перестали врезаться чужие локти.

— О Гретель! Я так волнуюсь! — поднесла ладони к горящим щекам Кушель.

— Если ты сейчас так волнуешься, то что с тобой дальше будет? Бахнешься в обморок? О-о-о, а что, если Флориан тебя подхватит? — хихикала Гретель, изображая потерю чувств.

Кушель покраснела так сильно, что стала походить на одну из цветных ламп, висящих под потолком.

— Т-т-ты уверена... уверена... что нам стоит?

— Струсила?! Хочешь быть такой, как про тебя говорят, унылой заучкой?

— Н-н-нет... просто... это... ну... — затряслась от волнения девочка.

— Кушель, мы же это обсуждали! Будет весело! Тот вышедший сам вызвался нас провести, а ты же знаешь... он мне так нравится... хочешь, чтобы он думал, будто я трепло какое??? — эмоционально тараторила «демоница». — К тому же... пути назад нет, ты уже потратила деньги, которые стащила. Не хочешь увидеть Флориана? Не хочешь...

Тут взгляд Гретель упал на слишком уж внимательную Ришель, и она замолчала, резко отвернувшись.

— Хочу... конечно хочу... просто я очень... Флориан, он такой... я его так...

Музыка неожиданно затихла; стробоскопы замерли. По залу прокатилась волна то ли восторга, то ли пьяного удивления. Плотные бархатные шторы, что скрывали ложу, разъехались в разные стороны.

— Дамы, господа, и вновь дамы... — разлетелся под сводами бывшего кинотеатра сладкий мужской голос.

Ровно до этой секунды Ришель знать не знала, как выглядит Флориан Сальве. Да что там, час назад она даже не знала, что он существует. Но это точно был он: облачённый во всё чёрное, он возвышался над залом, мерцая мертвенно-бледной кожей. Лица было не разобрать, но Риш готова была поклясться: на нём сияла улыбка — ехидная, надменная и очаровательная.

— Я рад приветствовать вас сегодня здесь, в царстве ночи, под высокой луной, — приподнял он бокал, доверху наполненный кровью. — Святые отцы и матери будут убеждать

вас, что свет делает вещи чище, но это ложь. Свет просто делает их видимыми. Тьма куда честнее. Тьма делает вещи искренними. Тьма оголяет ваши потаённые желания. И если уж вам повезло быть избранным этой тьмой, не смейте её отвергать, ведь тьма мстительная... и коварна.

Посетители благодарно загудели, будто верующие, встретившие пророка. Но «пророк» оказался краток. Стоило залу чуть успокоиться, он кивнул собравшимся и скрылся в глубине балкона. Танцпол вновь заполнили гулкие басы, и люди предались второму акту безумной вакханалии. Ришель скосила взгляд на девушек — в глазах тех сиял восторг.

— Гретель... — осторожно заговорила Кушель, — а вдруг его невеста там?

— Бланка? — Гретель пожала плечами, будто ей всё равно. — Даже если там, что с того? Сама знаешь, ему плевать, его мать заставляет жениться.

— Да, так говорят, но ведь...

— Ведь что? Думаешь, она захочет выдрать тебе волосы, когда поймёт, что ты припёрлась увести её парня? — вновь засмеялась девчушка.

— Что ты, нет!

Кушель зарделась, но глаза её горели робкой надеждой. Вот дура! Правда, что ли, навоображала, будто вампир-аристократ влюбится в неловкую простушку, покуда его невеста окажется гадкой, подобранной деспотичной матерью помехой на пути к их долго и счастливо? Ну что за наивный сю-

жет! Ришель захотелось схватить Кушель за грудки и встряхнуть, словно нашкодившего щенка.

— Ну всё, пошли, — прыгнула с высокого стула Гретель. — Он сказал прийти, как Флориан произнесёт речь.

Только провожая этих колоссальных идиотов взглядом, Ришель вдруг поняла, что от раздражения на них у неё дёргалась нога. Тело требовало кинуться за ними. Остановить. Отчитать! Но в то же время... да кто она такая, чтобы лезть в это? Два этих чувства боролись меж собой, пока гнев не одержал верх. Он вообще чаще всего другого брал верх. Ришель сорвалась с места, ринувшись за светом алых дьявольских рожек.

Нагнать глупышек оказалось непросто. Людей было как сельдей в бочке. Огибая тёмные фигуры, перешагивая носки ботинок и пролезая под вытянутыми руками, только перед входом в ложу Риш наконец увидела небольшой пустой пятачок, огороженный охраной.

Гретель стояла рядом с одним из громил и о чём-то с тем говорила. Кушель же, всё такая же неуверенная, мялась позади. Подгоняемая волной раздражения, Риш направилась прямо к ней; схватив девочку за запястье, она заговорила:

— Кушель, верно? Мы только что у бара виделись. Я подслушала, о чём вы говорили, и хочу сказать: не ходи туда! Тебе это не нужно, поверь мне на слово, я знаю, о чём говорю!

Девчушка явно испугалась. А кто бы не испугался? К тебе

в темноте подлетает незнакомка, хватает и говорит странно-сти. Округлив глаза, Кушель попыталась вырваться, хорошо хоть не завизжала во весь голос.

— А! Чего? Вы кто такая??? Отпустите меня! Отстаньте!

— Да ты послушай! — не ослабляла хватку Ришель. — Я знаю, что выгляжу и звучу как сумасшедшая. Но я просто хочу помочь.

— П-п-омочь?

— Там в ложе — высшие вампиры. И я понимаю, они кажутся тебе... особенными, но они не принцы из сказок, всё не так, как в кино. Они тебе жизнь испортят...

— Да отстаньте вы от меня! — снова дёрнулась Кушель.

— Ты же знаешь, что они могут с тобой сделать? Конечно знаешь! Но в этом нет ничего хорошего! Тебе придётся бросить учёбу... школу... ты ведь школьница, да? — По испуганному взгляду девочки Риш поняла: попала в точку. Кушель и Гретель были несовершеннолетними. — Тебя заставят расстаться с семьёй...

Взгляд девчушки забежал из стороны в сторону, и Ришель на миг показалось, что она вот-вот ей доверится, быть может, даже поблагодарит и убежит прочь. Но вместо этого Кушель с новой силой дёрнула рукав кофты и наконец высвободилась. В её глазах читался вызов.

— Вы меня не разубедите! Больше всего на свете я хочу быть вампиром!

Ришель отступила, пошатываясь. В голове на миг образо-

валась пустота — такая, какая бывает, когда ощущаешь себя круглой душой. Пытаться убедить в чём-то ребёнка — ну что за тупая идея? Легче луну с неба достать! Нужно действовать иначе: теперь, когда Риш убедилась, что перед ней подростки, один звонок в СКГ — и всё решено. Не пройдёт и десяти минут, как гемоники будут здесь.

Отведя взгляд от Кушель, Риш полезла в карман за телефоном, но тут же чуть его не выронила. Чужие ладони подтолкнули её в спину, требуя, чтобы она шла вперёд.

— Эй! — возмутилась Ришель. Не хватало ещё, чтобы её лапали.

Но за сопротивлением последовал новый сильный тычок.
— Не стой столбом, проходи! — гаркнула ей в ухо лысая голова одного из охранников.

Её вместе с двумя малолетними идиотами заталкивали внутрь вампирской ложи, запрятанной за бархатной шторой. Станным образом мечта детства — побывать на балконе кинотеатра — сбывалась в реальном времени, только вот ощутить момент она не смогла. Из темноты появилась высокая скрюченная фигура: молодой парень, сторбленный, словно странная запятая. Он направлялся в их сторону, и взгляд его падал точно на Ришель.

— Шикарный сегодня улов, Фло. Кажется, и тебе что-то перепадёт, ты ведь без ума от рыжих.

Глава 3. Страх рыночной площади

В ложе царил полумрак. Только линии алого неона позволяли различать очертания фигур и предметов. В центре комнаты, что заканчивалась тяжёлыми шторами, на полукруглых диванах болтали и смеялись высшие. Прятались они и по углам, ища большего уединения.

Ситуация вырисовывалась дурацкой: охранник, верно, спутал Ришель с девчонками вамп. И пока разум её блуждал, размышляя, что делать, а глаза цеплялись за детали обстановки (которые могли пригодиться для статьи), из темноты явились юноши с бледными лицами. Неподготовленному уму их лукавые улыбки могли показаться притягательными, ведь очаровывать жертву — в природе вампира. Но Ришель и сама создание ночи, её не обмануть коварной маской.

Когда же юноши протянули Гретель и Кушель изящные ладони, Риш поняла: её первейшая обязанность — звонок в следственный комитет. Кто-то должен донести, что тут кусают детей! Нарушают закон лишь потому, что свежая кровь нравится больше, чем та, что из пакета! Но для начала нужно было выбраться.

— Эй, вы кого притащили? Жалкое низшее создание? — раздалось раньше, чем она успела и шагу ступить. — По рыжей отбой, Фло, — продолжил тот же неприятного вида крючковатый, поморщившись. — И как я сразу не заметил?

Низушка. Твои услуги не нужны, можешь не надеяться залезть какому-нибудь лоху в койку.

— Что...

— Не ломай комедию, дорогуша. Будто от вас есть ещё какая польза?

Ришель прикрыла глаза и выдохнула. Главное тут — не взорваться. Затеять склоку с высшим — самоубийство. Нужно уходить. Тихо и спокойно.

— Да что ты такое несёшь! Я вообще тут случайно оказалась! — не сдержалась она.

— Вы смотрите, у низушки есть гордость. Но это-то и неудивительно: чем мельче клоп, тем больше он воняет, — склонил голову набок парень, став совсем уж неестественно изломанным.

— Я просто хотела не дать тем девочкам попасть в ваши лапы.

— Аха-ха, у нас здесь святая мадам добродетель! Не устали спускаться с вершин вашего морального богатства? — содрогнулся он в хохоте, обняв своё худое тело.

— Если хоть с одной из них что-то случится, — заговорила Риш таким тоном, будто угроза её могла иметь вес, — если хоть одну из них вы превратите в чудовище... я сдам вас Департаменту! Я вас всех, мать вашу, сдам! Я тебя в лицо запомнила и твоего хозяина тоже!

Кривой вмиг нахмурился.

— В кого превратим? В... чудовище? Типа обратим? А ты

кто, охотница на вампиров? Ой... кажется, нет, кажется, ты жалкая низушка, кровососка, живущая в тени таких, как мы. Включи-ка свою тупую голову и подумай: мы что, отсталые, так подставляться? Обратим... каких-то... человеческих девок... и прошляпим свой бизнес? Ага... щас! А ну пошла отсюда! — выкрикнул он ей в лицо.

Риш поджала губы — вылитое дитя, что отчитывали по делу. Этот кретин прав. Убивать или обращать кого-то в подобном месте — не риск, безумие. Ей стоило заткнуться ещё в начале разговора. Отгоняя новую волну раздражения, в этот раз на себя, Ришель было попятилась, собравшись уйти, как тут, словно множество призрачных рук, вцепились в её предплечья, заставив кроссовки безвольно заскользить по полу.

— Какого...

Неведомая сила потащила её назад, к центру ложи. Не успела она толком осознать произошедшее, как уже повалилась на пол перед одним из столов — так резко её отпустили. Спешно вскочив, Риш откинула волосы с лица. Светящиеся алым глаза потухли. На круглом диване сидел незнакомец. Рот его скривился, будто увиденное показалось ему поистине омерзительным. Он отвернулся. Впрочем, тут же совладав с собой, вернул к ней взгляд, на этот раз полный безразличия.

— Задержись, — услышала она. Это не мог быть никто иной, как Флориан Сальве. Одна его нога была закинута на

другую, носок лакированной туфли вальяжно покачивался. Внешне аристократ остался таким же, каким виделся ей из зала: чёрный костюм из тяжёлого бархата, сшитый точно по фигуре; тёмные волосы, лежавшие безупречно; облик, затерявшийся где-то на границе между утончённым аристократом и цепким бизнесменом.

— Что... вы... себе позволяете! — обрела дар речи Ришель, одновременно с этим не понимая, почему обратилась на «вы». Быть может, всё из-за этого странного трепета, что разливался по телу? Раньше она только слышала о реакции низших вампиров на старшую кровь, теперь, возможно, ощутила это сама.

— Эти твои слова про защиту человеческих девушек — правда?

— Стала бы я о таком врать! — попыталась она придать голосу дерзкой уверенности.

— Хочу, чтобы ты знала: я понимаю, когда мне лгут, — вновь сверкнули алым глаза.

«Пытается запугать», — подумалось ей. Всем известно, что высшие могут читать мысли. Только вот Барлинг говорил, что эта их способность сильно преувеличена.

— Н-н-у раз понимаете, так сами знаете, что я не вру!

Ей было неясно, в чём её обвиняют: какая тут могла быть ложь? Ришель забралась сюда из желания сблизиться с высшими? Абсурд! Ришель терпеть не могла высших!

— Знаю. А ещё знаю, что ты наивна и глупа, раз подумала,

что мы причиним девушкам страдания. Твоя мотивация не выдерживает критики.

— У всех разное понимание, что такое страдания, — не сдержалась она.

— Ну, своё ты нам озвучила: мы должны были выпить их досуха или, что, по-твоему, куда хуже... сделать чудовищами, коим ты сама и являешься.

Уголки губ аристократа поползли вверх, на лице проявилась надменная ухмылка. Ну конечно! Все они, вампиры, такие: себялюбивые идиоты. А этот, вероятно, самый большой идиот.

— Ну да! Да! Такое вряд ли могло случиться, — не успокаивалась Ришель. — Вы бы не стали рисковать вашим... бизнесом! И всё-таки посмотрите на меня! Я стою тут перед вами, как там сказал ваш друг: «Жалкое низшее создание»? Стою обращённая кем-то из таких, как вы... обращённая в чудовище, хотя такого не должно было случиться. Гемоники обещали мне! Обещали безопасность от вас. Но знаете... иногда случаются вещи, которые случаться не должны. Рядом с такими, как вы, никто не в безопасности, как бы отлично вы ни организовали свой... бизнес!

Слова эти слетели с языка горячо, искренне, от лишней эмоциональности стало неловко. Когда же она научится держать себя в руках? Точно не тогда, когда прошлое алыми мушками плясало перед глазами. Ришель сглотнула — во рту пересохло.

— В общем... я поняла, что моя помощь не нужна, и уже ухожу...

Флориан Сальве оставил на ней последний пристальный взгляд и повёл подбородком вбок, указывая охране, что девушка может идти. Пора было выбирать: ей отчаянно хотелось домой, в своё убежище, в свой защитный форт. Мысли о статье, о Кушель, о Гретель — всё это было уже неважно. Вампиры, люди, весь этот искривлённый мир — как он ей опротивел!

И только прохлада ночного воздуха, что коснулась щёк, немного да остудила праведную ярость. На улице было свежо и дышалось легче, дурно пахнувшая толпа осталась позади. Гонимая желанием оказаться как можно дальше от этого презируемого Творцом места, Риш шагнула во тьму, забыв об опасностях, что поджидали её там.

Стоило лишь немного отойти от клуба, оказаться окружённой уличной пустотой, как усыпанный звёздами небосвод обрушился всей своей мощью. Пространство вокруг схлопнулось до размеров телефонной кабины. К горлу подступила тошнота. Грудную клетку сжало тисками. Так случалось всегда, останься она на улице одна. Без Барлинга, без Бошека, без возможности вцепиться в край их одежды и вернуть себе почву под ногами. Сколько раз она надеялась, что это чувство просто исчезнет, и каждый раз оно находило её вновь.

Единственный выход — вернуться, спрятаться в оконном

свете и гоготе окружающих. Остаться на ступеньках клуба, а затем, будто паразит, вцепиться в вампира, что держал путь в Резервацию.

«Нет. Так не пойдёт», — сжав ладони в кулаки, сказала себе Ришель. Она взрослая девушка — и сама способна добраться до дома. С ней всё будет хорошо!

Майский воздух благоухал распускающимися цветами, робкие звёзды украшали собой небосвод, свет фонарей охранял любого, кто попросит укрытия. И нечего было бояться — даже если и вздрагивали пальцы и потряхивало колени.

Но отчего-то мир к Ришель был особо жесток. Стоило ей сделать шаг, как всё померкло. Она не закричала лишь потому, что не успела: ужас парализовал её. На голову Риш накинули мешок, тело обхватили крепкими руками, подняли и перекинули через плечо. С ней не могло произойти такое... снова! Почему именно с ней? Как глупо, как фантастически глупо, если предостережение Бошека оказалось пророческим и тот охотник на вампиров выбрал её своей следующей жертвой.

День тогда выдался дождливым — да что там, весь май в том году был какой-то неправильный. Поутру тучи окрасили небо в свинцово-серое, а к вечеру погрузили мир в туманную сырость. Риш еле-еле успела на последний автобус. Не успеет она, пришлось бы торчать у подруги в общежитии. Так себе перспектива: студенты вечно хлопали дверьми, топали

по коридорам, заваливались в чужие комнаты, ещё и туалет был общий! Ну уж нет, лучше на последнем автобусе, а вернуться в уют родительского очага, даже если в этом и были свои минусы: дорога от остановки до двора пролегла мимо парковой зоны. И хоть для Ришель это был её обычный путь, всё же в другие дни она возвращалась пораньше. Тогда ещё ходили люди, в лучах солнца шелестели кроны, пахло опавшими еловыми иголками, и о чём-то своём щебетали птицы. Но в сумерках сказка оборачивалась своей тёмной стороной, той самой, изначальной, где ещё было место ужасу. Успокаивала лишь трасса, по которой гоняли машины, и то, что по пути мог попасться вполне работающий фонарь.

«Ничего страшного тут нет — всё страшное в моей голове», — повторяла она себе снова и снова. Повторяла и всё равно шла быстро, напрямик по глубоким лужам, не обращая внимания на то, что кроссовки набрали воды.

Мошкавец — спокойный город. Тут особенно ничего не происходит. Ну, может, пару раз в год какие убийства да нападения, но это всё чаще мужья мстили жёнам, заподозрив в изменах. Ну и, быть может, пару раз пропадали молодые девушки. Только вот где они не пропадали? Молодые девушки всегда пользовались спросом у всяких уродов. Вряд ли с ней что-то случится, какая вообще вероятность? Меньше процента? Сотая доля?

Но ведь кому-то выпадает и эта сотая доля?

О вампирах она тогда не думала. Конечно, под Мошкав-

цом, как и под множеством маленьких городков, была своя Резервация. Стояла там уже семьдесят лет — одна из самых старых! Ришель знала о ней с детства. Знала и привыкла. Порой нет-нет, а услышишь разговор на кухне: мол, да, хотелось бы, конечно, не жить бок о бок с вампирами, но что поделать? Не убивать же этот странный, так похожий на нас, народец? Риш помнила буклеты, что раздавали в младших классах, а может, дело было в детском саду. Оранжевые, со смешными мультяшными вампирами, надпись на обложке гласила: «Берегись кровососа!». Содержимое мало интересовало детей, а вот слово «кровосос» приводило в сущий восторг:

«Ты кровосос! Нет, ты кровосос!» — помнились ей хохот и крики.

Став старше, Ришель и вовсе позабыла о «загробном» соседстве. Её и вампиров разделял комендантский час, да и принадлежали они ночи, а по ночам она крепко спала. Ещё и телевизор убеждал: бояться нечего, всех опасных переловили, а те, что живут в Резервации, не только нормальные, но и под строгим надзором. Ну а если кого не поймали, то обязательно словят, ведь вампиры беззащитны перед Департаментом и серебром. У Ришель даже был свой баллончик, гражданская версия, но эффективная: прыснешь вампиру в лицо, и тот мигом окаменел. Гемоники называли это очень гуманным. Департамент вообще был за гуманизм.

Так что как ни крути, а смысл ей вспоминать о вампирах?

Да и до дома рукой подать — не больше пяти минут быстрым шагом. Но тьма окутывала всё так плотно и так мало в ней можно было разобрать, что, когда сбоку блеснуло нечто, это немедленно привлекло внимание. Сердце пропустило удар: среди елей пылали две алые точки, ровно на уровне человеческих глаз. Очень хотелось верить, что это сова или кошка, но Ришель не верила ни секунды. Молниеносно, будто пружина, которую отпустили, она рванула вперёд. Испуг перелетел через край — выплеснулся вместе с разлетающимися каплями из луж.

«Нужно было бежать на трассу — под колёса», — раз за разом прокручивала она в голове события того злосчастного дня.

Но она побежала вперёд, и мир завертелся юлой. Силу рывка, что увлёк её в кювет и потащил словно куклу по мокрой траве, она не почувствовала, а вот то, как катилась с пригорка, ощущала всем телом. Она и понимала, что происходит что-то странное, и в то же время задавалась вопросом: как это её угораздило так споткнуться? Риш изо всех сил пыталась затормозить, остановить болезненное кувыркание, ухватиться за землю, но под пальцами оставалась лишь грязь. Когда она последний раз больно ударилась головой, перед глазами появились звёзды. Самые что ни на есть настоящие — выглянули из-за туч, стать свидетелями её последних минут. Падение остановилось — Ришель, не в силах вздохнуть, распласталась на влажной земле. Бесконеч-

ная чернота небесного свода грозила её раздавить.

Сбоку раздались шаги. Риш попыталась было повернуть голову, но не смогла, застонала от боли. Оно, кем бы оно ни было, приближалось, а, оказавшись достаточно близко, замерло. Послышался шорох одежды, и сразу за этим звёзды скрылись из виду. Оно склонилось над ней, но лица было не разобрать — мир звенел, двоился и расплывался. Ришель не могла сфокусировать взгляд, не могла увидеть картинку целиком. Только белёсые волосы, такие, будто впитали в себя весь лунный свет, такие, что могли принадлежать ангелу. Только вот ангелом оно не было — оно было чудовищем, бесконечно далёким от Творца.

Темнота отступила. Кто-то снял с её головы мешок. Кошмар, что возник перед глазами, растворился. Чудище пропало, сменившись иным лицом. Ришель ошарашенно моргнула — Флориан Сальве собственной персоной! Встретившись с ней взглядом, он выпрямился, вытащил ладони из карманов брюк и деловито принялся поправлять пуговицу манжеты. Пиджак его лежал на диване, стоявшем в углу, а само помещение походило на старую, заваленную хламом гримёрку.

Флориан Сальве точно не был охотником на вампиров, но это ни капли не успокаивало. Зачем он её схватил? Из-за той перепалки? Испугался, что она настучит в Департамент, или... Фантазия начала подкидывать совсем уж странные сценарии: может, он торгует вампирскими органами?

Новости про такое соседствовали с новостями про убийства! Полумёртвые сердца, почки и печени покупались людьми на чёрном рынке, и всё для изощрённых экспериментов по достижению бессмертия! Кому, как не аристократу, быть в этом замешанным!

— Развяжите её, — приказал Флориан, не повышая голоса.

Тут Риш поняла: в комнате ещё двое — они-то её сюда и приволокли, тот самый крючковатый и ещё другой, полный, вдсятеро толще первого. Пухлые руки дёрнули её за шиворот, поднимая; крючковатый, орудуя складным ножом, срезал путы с её голеней. Ришель открыла было рот, чтобы наконец возмутиться, но Флориан Сальве жестом указал молчать.

— Нам с вами необходимо поговорить, — указал он на потёртый диван. — Садитесь.

Отчего-то обратился к ней уважительно — совсем не как в ложе. Это так озадачивало, что Риш тут же перехотелось кидаться с обвинениями. Она осторожно оглядела комнату, после чего села на самый краешек софы.

Флориан Сальве вновь повёл подбородком, отдавая приказ своим людям. Поняв его без слов, крючковатый и толстый скрылись за дверью.

— Скажу прямо, — уселся он на почтительном расстоянии. — Будет лучше, если вы выслушаете меня без лишних эмоций.

Риш аккуратно кивнула, почти успокоившись, но тут заметила циферблат настенных часов. Шесть утра!

— Автобус пропустила... — растерянно пролепетала она.

В голове возник образ «ночлежки», но тут же пропал: ночлежка слишком далеко. Флориан Сальве нахмурился — кажется, его раздражали ответы не по делу.

— Это подождёт, — бросил он.

— Конечно подождёт, — простонала она. — Он ведь уже уехал!

Застрять здесь ощущалось обиднее, чем стать жертвой торговцев органами, ведь так выходило, что домой она попадёт лишь завтра! Не стоило и носа высовывать из комнаты! Вся эта идея со статьёй и институтом — полная чушь! Не стоило и пытаться! Она ничтожество, ей на роду написано всю жизнь провести взаперти.

— Ваше имя, Ришель Мартлет, верно?

— Да это я, — недобро зыркнула она на аристократа. Если подумать, нечего пенять на себя, это ведь он — причина всего плохого сегодня. — И я хочу, чтобы вы запомнили на будущее! Ради простого разговора людей похищать нельзя!

— Вы предполагаете ситуацию, в которой бы смиренно дождались меня после моей учтивой просьбы о приватной беседе?

Да не в жизнь! С чего ей говорить с надменным выскочкой, высшим вампиром? Риш закинула ногу на ногу и скорчила мину.

— Это уже неважно. Чего вам надо?

— Моё имя — Флориан Сальве. Смею надеяться, вы слышали обо мне. Я младший сын клана Сальве. Владелец этого заведения. И у меня к вам деловое предложение.

— Деловое?

С кем он её перепутал? Никаких дел Ришель не вела.

— Пожалуй... начну издалека. Кажется, вы из тех, кто всё может понять превратно. Тема довольно деликатная.

— Деликатная? — вновь, как попугай, переспросила Риш.

— Как вы, возможно, знаете, парой месяцев ранее был принят некий... указ.

— Да, знаю, о разгоне аристократии.

— Нет, мадам Мартлет, о «разгоне» речи не идёт. Лишь о расселении.

— Хорошо, — пожала она плечами, впрочем, не соглашаясь. Аристократ без поместья и клана под боком — никакой не аристократ, а просто не в меру богатый и заносчивый кровопийца.

Бледное лицо юноши на секунду окрасилось пренебрежением.

— Это не главное. Главное то, что об указе вы осведомлены и указ этот вынуждает меня покинуть родной дом, отводя честь остаться жить в этих краях одним лишь моим родителям.

— Так значит, правда... — пробормотала Риш себе под нос.

— Правда что?

— Ваши мать и отец будут жить у нас в Резервации? Прямо там?

— Естественно. Как и любые другие санкционированные вампиры. Члены кланов Бинска, Прашкец, Моренди и Куроули, а также все, кого направят к нам из других частей страны. Все они станут вашими соседями.

— О-о-о...

Что бы там ни говорили по телевизору, а в то, что указ будет исполнен, Ришель не верила. Это же аристократы! Старое дворянство со связями в правительстве. Сначала они крутили царями и императорами, теперь — министрами и чиновниками. Война и учреждение Департамента пошатнули их власть, но не уничтожили её. Так что, конечно, это казалось нереальным.

— Будущее моих родителей не предмет нашего с вами разговора. Куда важнее то, что в городе должен остаться я.

На долю секунды стремление Флориана показалось ей даже милым. Неужели он так привязан к семье? Ей это было хорошо знакомо. Её саму хотели отправить в другую Резервацию, подальше от дома. Такое случалось с теми, чей «психологический профиль» гемоники сочли нестабильным. Но мама все глаза выплакала в кабинетах УРК, умоляя разрешить дочери остаться.

— Ваша мама может попросить за вас, — дала Ришель непрошенный совет и тут же осеклась. Слезы матери тогда

не помогли. Помогли деньги, которые родители выручили, продав дачу под Нижними Мошкавцами. А у клана Сальве вряд ли были проблемы с деньгами.

Флориан только покривил лицом.

— Это невозможно. Указ был принят, чтобы мягко и безболезненно уничтожить клановую систему, — проговорил он и тут же добавил: — И нет, он не лишает нас знатного статуса. Что же до вашего совета, я уже пробовал найти пути, как избежать этого, и все они ведут сюда, к нашему с вами разговору.

— Но тогда... чего вы хотите?

— Как я и сказал ранее, моё предложение сугубо деловое. Чтобы остаться здесь, мне необходима регистрация в Резервации.

— Э-э-э... простите, господин Сальве, возможно, вы меня с кем-то путаете? Я не имею никакого отношения к выдаче регистраций.

— Не путаю. Имеете. Уж поверьте. Есть несколько способов получить такой документ, и единственный доступный мне — брак с кем-то, кто уже им владеет.

Ришель скосила глаза к выбеленному потолку. Из угла к лампочке, что висела по центру, тянулась паутина. Потомственный дворянин намеревался жениться не на аристократке? На дворе, может, уже и двенадцатый век, но это всё ещё большая редкость.

— Да, кажется, если выходишь замуж за кого-то из другой

Резервации, то можно к нему переехать... — попыталась она вспомнить хоть что-то по теме беседы. — Но при чём здесь я?

— То, что вы не понимаете, ожидаемо. Оттого я вас и выбрал.

— Выбрали? — нахмурилась она.

— Да. Для заключения с *вами* фиктивного брака.

В голове завывала пустота. Смысл сказанного доходил медленно. Едва понимание пришло, Ришель засмеялась.

— Ах-ха-ха-ха, глупость какая!

— Не спешите говорить нет. Брак — предмет сделки. Выгоду получим мы оба. Я с превеликим удовольствием выслушаю ваши требования.

— Никаких требований, — продолжала нервно улыбаться Ришель. — Я не хочу замуж. Ни фиктивно, ни по-настоящему, никак.

Флориан и сам улыбнулся, снисходительно, понимающе, готовый торговаться.

— Подумайте. Подумайте о том, чего хотите. А если вам недостаёт воображения, так я вам помогу: вы станете частью знатного рода. Высшим вампиром вас это не сделает, но отношение к древнему клану вы иметь будете. Вы также получите доступ к финансам и ресурсам дома Сальве. Все материальные блага, какие пожелаете, для вас и вашей семьи. У вас же есть сестра, верно? Её дальнейшее образование может быть оплачено нами. Лучшие институты страны. Я уже

не говорю о доступе к свежей еде отборного качества. Этот клуб — превосходные кормовые уголья.

— Кормовые... у... уголья? — повторила Риш с отвращением. Ей вспомнилось румяное лицо девчушки по имени Кушель. Её наивный влюблённый взгляд. Вот он, принц из сказок, сидит здесь с ухмылкой, размышляя о таких, как она, как о скоте.

— Уточню, что от вас мне нужен лишь штамп в документах. Союз этот не предполагает быть вечным. Жилищный кодекс Департамента утверждает, что «вампир, сменивший место проживания в связи с заключением брака, имеет право на отдельное жилое помещение в Резервации супруга в случае развода по истечении четырнадцати лет совместного проживания». И я вас заверяю, у меня нет ни малейшего желания тянуть до конца. Я не перестану искать способы остаться в городе. Будущее туманно, но ничего в нём не вечно. Кроме нас с вами, конечно же.

Слушая его сухую, наполненную бюрократическими словечками речь, Ришель поняла: дело не в любви к родителям. Флориан Сальве держался за что-то другое или за кого-то другого.

— Почему вам так важно остаться?

— Не хочу оставлять успешный бизнес, а что, вас это удивляет? — развёл он руками.

— Слушайте... господин Сальве... вы богатый, у вас большое имя. Разве вы не можете начать всё в другом месте?

Там, куда вас отправят, вы и там можете открыть клуб... там люди такие же, как здесь, и вампиры... и город, и Резервация, всё такое же... ну, может, погода и природа другие...

Флориан неприязненно прищурился: она лезла не в своё дело.

— Благодарю за очередной совет, но нет, я останусь владельцем именно этого клуба, и никакого иного.

— Хорошо. Другая идея. Найдите вампирку, которая будет согласна. Любая будет согласна.

— Вы правы даже больше, чем себе представляете. Любая будет согласна. Именно поэтому я разговариваю с той, которая нет. Мне не нужна подруга сердца, мне нужен деловой партнёр.

— Из меня деловой партнёр, господин Сальве, такой же ужасный, как и фиктивная жена, — проговорила она, начиная распаляться. — Деньги ваши мне не интересны, а кровь и подавно. Мне от вас ничего не нужно, а даже если бы и было...

Тут Флориан наклонился вперёд. Движение это показалось опасным, если не хищным. Ришель осеклась. Страх, что он внушал, был не в лице и не во взгляде — она ощутила его всем телом: в вибрациях воздуха, у себя в голове, в собственной крови, требующей подчиняться.

— С каждым можно договориться, любого можно купить. Загляните в своё сердце, задайте себе вопрос: «Чего я хочу, чего желаю?» Я уверен, Ришель, я смогу исполнить любое

ваше желание.

Риш инстинктивно отползла, стукнувшись о спинку дивана. Ей хотелось отвернуться, но не получалось. В тёмных глазах была власть.

«Чего я хочу, чего желаю?» — звенело в её голове.

Она знала ответ: вернуть свою человечность. Обернуть время вспять. Но только это было невозможно. Не бывало такого, чтобы вампир стал человеком. Но было и другое желание — тёмное и потаённое. Если бы только она могла найти того ублюдка, что её обратил, найти и...

— Да я просто хочу спокойно жить в Резервации, а не придумывать себе лишние проблемы! — рявкнула она, отгоняя от себя все прочие мысли.

Лицо Флориана просияло азартом. Давление прекратилось, будто оно было больше не нужно.

— Вы хотите найти его, верно?

— Кого? — пробормотала Риш, делая вид, что не знает. Коснувшись лба, она поправила волосы. Хотелось сбежать, как и всегда, стоило разговору коснуться того монстра.

— Вашего создателя...

Ришель резко вернула взгляд к Флориану.

— Не называйте его так!

Юноша только пожал плечами.

— Как хотите, ваши личные трагедии меня не занимают. Я лишь прочёл ваше дело и сделал верные выводы. И всё же позвольте сказать: Департамент не сможет его найти, они его

даже не ищут, я же смогу...

— Правда... сможете? — не удержавшись, переспросила она.

— Не буду лгать, не за день и не за два, это может занять годы. Но если он всё ещё ходит под луной, то я его непременно найду.

Риш одёрнула себя: она будет дурой, если клюнет. Этот аристократишка... С чего бы ему говорить правду? С чего бы сдерживать обещание? Если того ублюдка не могут найти гомоники, то как... Хотя... конечно, всем известно, что только высшие знают всё о других высших. И всё же... если она с ним свяжется... если согласится на эту чушь с браком, то ей придётся врать и очень много, даже близким... а это... сплошная морока!

Сцепив руки, она вжала большой палец в ладонь. Каждый день её мучили сны, сны, чьи сюжеты забывались к закату, сны, что бродили под ресницами в ожидании нового дня. Её тело ныло. В голове звенело. Во рту было сухо. И так каждый день. Она не могла и шагу ступить, не будь кого рядом, за спиной таилось чудовище, что желало её растерзать. Она была жалкой, бесполезной паразиткой. Тенью прошлой себя.

Незаметно с силой сжались челюсти. Ей бы только взглянуть на него! Он ведь просто какой-то ублюдок, не страшнее серийных маньяков, про которых она читала в сети. Обычный безумец! Проклятие спадёт, стоит ей убедиться, узнать, что у него есть имя и тело. Увидеть, что он не сгусток пуга-

ющей тени, не армия зубов и когтей, и нет у него тысячи глаз и конечностей в три метра длиной.

— Тогда... тогда... вы правы, я хочу его найти, — метнула она взгляд к Флориану.

— Ваши условия мне ясны, — в голосе его зазвучал победный энтузиазм. — В иных обстоятельствах я бы предложил вам бумажный договор, но между нами присутствует элемент нарушения закона, а значит, договор — это улика. И всё же без него никак. Не подумали же вы, что я предлагаю вам поверить мне на слово? Заключим договор на крови, — деловито проговорил Флориан и тут же, уже готовый, поднялся с места.

— На крови? — вскочила она следом. Она не то что такого не делала, даже о таком не слышала!

Юноша обернулся к ней, приподнимая бровь.

— Не знаете, что это? Ах, ну конечно. Гемоники с большим усердием уничтожают любые упоминания опасных практик. Я объясню: здесь всё очень просто. Я выпью вашей крови, вы моей, произнесём слова и будем друг другу обязаны. Не волнуйтесь, крови нужно всего каплю.

— Подождите... постойте, что если... ну... нарушить эту... клятву?

— Нарушивший будет служить тому, с кем заключил договор. Фактически — станет ему рабом.

Ришель хмуро всмотрелась в спину Флориана. Тот, гремя всяким хламом, искал нечто в покосившемся комоде. Чего

ей точно не хотелось, так это становиться рабыней аристократа.

— Я... просто должна... выйти за вас? А что, если не получится? — Ей нужно знать всё, каждую деталь, прежде чем она решится.

Флориан выудил с полок столовый нож и принялся с крайней педантичностью протирать его платком.

— Что... что, если Департамент что-то заподозрит, если что-то пойдёт не так, если кто-то узнает... а если мы оба передураем... кто кому станет рабом?

Ответом ей был скрип ткани, скользящей по глади ножа. Только покончив с этим своим делом, Флориан соизволил раскрыть рот. Он развернулся на каблуках и подошёл к Ришель совсем близко, так, что стало ясно: он всего-то на полголовы выше неё. Правда, она и сама была немаленького роста.

— Вам надлежит стать мне женой и оставаться ею до тех пор, пока я не отыщу иного выхода. Если же обстоятельства окажутся непреодолимыми, я самолично освобожу вас от этого обязательства.

Ей, может, и хотелось получить стопроцентную гарантию, что слова его правдивы, но, кажется, это было попросту невозможно. «Будь что будет», — подумала Риш.

— И что мы будем сейчас делать?

— Я разрежу вам подушечку пальца и выпью вашей крови, — он коснулся её ладони, притягивая ту к себе. — Озвучу-

чу свои требования, затем вы дадите согласие и проделаете всё то же самое с моей кровью. Готовы?

— Э-э-э... наверное.

Посчитав это за уверенное «да», Флориан ухватил её крепче и без предупреждения сделал надрез. Сталь легко скользнула по пальцу, нарисовав ниточку, усыпанную алыми бусинами. Боли не было — болевой порог у вампиров куда выше человеческого. Всё так же не выпуская её руки, он потянул ту выше, к своему лицу. Сердце Ришель, и без того бьющееся медленно, совсем замерло. Впервые за этот странный разговор в ней возникло смущение. До этой минуты Флориан Сальве казался ей обезличенным и бесполом. Картонной фигурой жеманного аристократа. Но возникшая интимность наделила его образ чувственностью. Навесила на него ярлык мужчины, губы которого хоть и на долю секунды, но обхватили верхнюю фалангу её пальца.

Сам же Флориан сохранял бесстрастное лицо.

— Требование моё к тебе — стать мне женой и быть ею, покуда я не найду иного способа остаться в этом городе или же не откажусь от тебя сам. Ты согласна?

Ришель поспешно закивала, но тут же поняла: ответ должен быть словесным.

— Д-д-а...

Он кивнул ей и вместе с этим приподнял собственную ладонь, одним движением рассекая её до крови. Комнату наполнил поистине чарующий аромат. Нет, не ананасов... че-

го-то совсем иного... но не менее притягательного... чего-то чудесного, в чём хотелось раствориться. В страхе перед этим желанием Ришель было отшатнулась, но Флориан, будто опасавшийся побега, потянул её на себя. Его палец грубо мазнул по губам, и она невольно их облизала.

Вспышка. Сладкая нега. Безмятежный покой. Тёплый ветер и синее небо над головой. Планирующий полёт, облака и спокойствие. Чуждый мир пронёсся в голове вихрем и тут же померк, вновь оборачивая вселенную в слякотно-серое тревожное марево.

— Говори... — выдернул он её из накрывшего помешательства.

— А... я... моё требование... чтобы ты... — Ришель загнулась, заготовленные слова затерялись в сознании: слишком много эмоций, слишком много всего, ноги подкашивались, её тянуло к земле. — Я требую... то есть хочу... хочу, чтобы ты... нашёл того, кого я ищу! — Она вскинула глаза к его лицу. — Ты согласен?

Флориан на секунду прищурился. Будто собравшись ей отказать. Будто она разочаровала его этой своей неуверенностью. «Нет, нельзя, нельзя чтобы он передумал!» — пронеслось в голове.

Ришель обуяла паника, причина которой была неясна. То ли кровь сводила с ума, то ли невыносимым ощущалось потерять шанс поймать то чудовище.

Он молчал, молчал, пока губы его не раскрылись, пока,

не двинулись словно в замедленной съёмке, и не произнесли заветное:

— Да.

Глава 4. Условия успешной манипуляции

Коротать время в холодной, пропитанной запахами чужих испражнений «ночлежке» Ришель не пришлось. Со всей деликатностью, присущей аристократу, Флориан извинился за то, что задержал её до утра, и по пустым залам уже закрытого клуба провёл в свой кабинет.

Она тут же упала на диван (благо он был пригляднее того, что стоял в гримёрке). Порядок вообще был такой, что мог настораживать: сама планировка офиса намекала на педантичность владельца, но думать об этом не было сил. Стоило щеке коснуться прохладной кожи дивана, как тяжесть подступившего дня придавила Риш всей своей мощью. Такова была участь низшего вампира: стоило солнцу взойти, как существо это становилось слабым и бесполезным. Ришель к тому же не пила кровь и ощущала себя абсолютно разбитой.

Как Флориан подсунул ей под голову подушку, как ушёл, закрыв за собой дверь, она не запомнила: так быстро погрузилась в сон. В былые времена низшие вампиры прятались в склепах да укрывались в гробах, спасаясь от людской охоты. Уязвимые и жалкие, они лежали там, будто мёртвые, набираясь сил до новой луны. Сон Ришель, напротив, походил на битву: он изматывал, оставляя одну лишь усталость. Толь-

ко вот сегодня всё было иначе: она спала как убитая. Глаза её распахнулись одновременно с тем, как загремевшие басы пронзили собой стены и потолок.

Ришель широко зевнула, в краешках глаз выступили слёзы: впервые за долгое время она не мучилась ощущением, будто весь день ворочалась на голой земле. Но как же так вышло? Неужели всего-то надо было сменить постель? Нет, конечно, нет. Однажды Риш уже сбегала в родительский дом в надежде, что там и стены лечат, в надежде, что, засыпая в своей постели, в объятиях матери, сможет обрести желанный покой. Но тогда этого не случилось. Вместо этого получила нагоняй от Департамента и красный штраф-лист от Ромеллы.

«Неужели я так перенервничала, что даже кошмару не нашлось места в моей голове?» — озадаченно пялилась она в стену.

— Вы проснулись, мадам Мартлет? — раздался чужой голос.

Воспоминания о вчерашней ночи, будто корешки книг, падающих с полки на голову, одно за другим поврезались в затылок. Флориан Сальве расположился за столом своего кабинета, и осознание того, что он там уже какое-то время, заставило Ришель немедленно сесть.

Аристократ поднялся. Костюм на нём новый, выглаженный, хоть и похож на вчерашний. Иной материал, да из кармана выглядывал алый треугольник платка, но стиль тот

же. Гремя дверцами застеклённого шкафа, он выудил оттуда нечто звонкое и прозрачное. Затем подошёл к Ришель и, сев в кресло напротив, аккуратно разлил по бокалам алую кровь.

— Поешьте, выглядите прискорбно, словно готовитесь отправиться к Творцу, — поставил он один из бокалов на журнальный столик, а после и сам сделал глоток.

— Творцу? — На её памяти высшие вампиры не были религиозны. У низших вера могла остаться из человеческой жизни. Но даже так: нелегко верить в того, кто тебя ненавидит. — Это вряд ли, я ведь уже умерла.

— Только если быть верным новописанию, — усмехнулся он так, будто тема эта его забавляла. — Первописцы считают такой подход ересью. Впрочем, новописцы отвечают им тем же.

«Перво... кто?» — не поняла Риш, но вопроса не озвучила. Странно говорить о вере, когда ничего о ней не знаешь, а ещё страннее то, что Флориан Сальве знал. Хотя, по правде говоря, она и сама не считала себя мёртвой. Её тело однажды и правда погибло, крови потеряло столько, что сердце остановилось, но стоило ранам затянуться, вернулась и жизнь. Не такая, как раньше, с привкусом мертвечины, но Ришель была здесь, на этом свете. И ей слабо верилось, что это не она, а злой дух, занявший её место.

Кровь пахла сладостью. В желудке гулял заметный, но не мучительный голод. В голове немедля возникли мысли о консервированных ананасах. Об огромных полках супермар-

кета, заставленных теми. Если она сейчас зайдёт в магазин и купит одну из тех банок, откроет да положит в рот дольку любимого фрукта, вкуса не почувствует. Только скользкую мерзкую текстуру. Уже пробовала, хорошо хоть не проглотила, иначе бы её вывернуло наизнанку.

В задумчивости Риш невольно поднесла бокал к губам и, только обмакнув те, поняла, что наделала. По телу будто пробежал электрический разряд, даже волосы на голове зашевелились у самых корней. Ах, как же хорош был этот вкус: яркий, насыщенный, свежий, как реклама тропического шампуня. Она резко отставила питьё.

— Что-то не так? Не ваша группа крови? Я выбрал расширенный вариант, который подходит большинству, — заметил Флориан, увидев, как изменилось её лицо.

Ришель неопределённо дёрнула головой.

— Я вообще её не пью. Ни первую, ни вторую, ни какую другую.

Отказ этот не был до конца искренним. Её так и подмывало сделать второй глоток. Хотя бы маленький. Но она не такая! Не станет такой, как они, кто ради удовольствия использует чужие жизни. Ступишь на эту дорожку — не остановишься. Да и этот хитрец: предложил ей кровь, подложил подушку под голову и говорит таким приятным тоном — только ради того, чтобы она стала ему удобной! Может, между ними и договор на крови, но, кажется, этого мало. Он хотел втереться в доверие. Вот и уговаривать пить кровь не стал,

только прикончил свою одним большим глотком, словно торопился.

— Дело ваше, мадам Мартлет. Но у нас с вами сегодня много дел, я бы хотел, чтобы вы были пободрее.

— Бодрость — это не про меня.

— Что ж... Тогда... позвольте ознакомить вас с нашими планами.

Ришель глянула на него с подозрением. Во что вообще вязалась? Ей бы домой, помыться и... Что... Что там она обычно делала дома? Встретившись с тем, что особых планов у неё не было, Риш кивнула:

— Ну... давайте.

Флориан встал из кресла, дошёл до стола и поднял с него планшет.

— Нам с вами необходимо подать заявление на регистрацию брака. Сегодня и никогда в другой день: времени в обрез, УРК не работает по выходным. У вас есть с собой удостоверение?

— Конечно, из Резервации без него не выпускают.

— Справедливо... Судя по информации, предоставленной на сайте, — он постучал по экрану, — удостоверения будет достаточно. Поспешим же. В понедельник мне предписано покинуть город.

— В этот? Что же вы так тянули с подбором невесты?

— Уже воображаете меня придиричивым? А я как раз-таки нет. У меня была пара вариантов, но тут в последний момент

под руку подвернулись вы.

— Уж лучше бы вы остановились на тех своих вариантах... господин Сальве... я вам это гарантирую...

— Время покажет. Идёмте.

Развернувшись на каблуках, он зашагал к двери. Ришель подскочила с места.

— Пойдите, — окликнула она его. — А вы хоть понимаете, куда мы едем? Вы хоть раз бывали в УРК?

— Эта участь меня миновала. У моей семьи есть очень способный юрист, — он обернулся к ней, — но, увы, заявление на брак подаётся лично.

— Вы не поняли, я просто хочу сказать, что даже если нас и примут сегодня, нас не распишут день в день. Знаете, сколько они готовили моему папе справку на работу о том, что у него в семье обращённый вампир? Два месяца! А потом они потеряли её и начали снова.

Судя по тому, что Флориан кивнул ей, он был в курсе бюрократических проволочек.

— Хорошее замечание, мадам Мартлет. Но, как я и сказал, вам об этом думать не положено. Я уже проконсультировался с юристом и знаю, что нам говорить.

— А мне вы рассказать не хотите? Я ведь тоже еду.

Лица Флориана коснулось лёгкое раздражение, будто от назойливой мухи.

— Скажу, раз хотите. Но имейте в виду: говорить буду я, ваша фантазия не пригодится. Так вот: мы двое влюблённых

и торопимся с регистрацией, не желая расставаться. Спешность сего мероприятия объясняется моим скорым отъездом.

— Э-э-э... вот так просто? Я думала, ваш юрист... придумал чего... ну... нашёл прецедент?

— Ценность тут не в простоте, а в логике. Во лжи логика важнее другого. Государство само подтолкнуло нас к этому браку.

— Вы думаете, это их разжалобит? Что мы влюблены? Плохо думаете... Точнее, нет, вы слишком хорошо о них думаете. У бюрократов нет сердца.

— Узнаем на месте, кто из нас прав.

Уже открывая дверь, он вновь оглянулся.

— И ещё кое-что. Прежде чем отправиться в УРК, надо заехать в одно место.

— Какое? — растерялась Риш.

— К моей матушке.

Полчаса, что они ехали за город, Ришель, хорошенько пристёгнутая ремнём безопасности, молча вжималась в заднее сиденье. Машина у Флориана была чудесная: блистала чистотой как внутри, так и снаружи. Время от времени взгляд падал вперёд, на водителя. За рулём сидел человек, седобородый мужчина. Флориан назвал его Соломоном, но Ришель не отваживалась говорить перед ним. Фиктивный брак — секрет, а где проходят границы лжи, она не знала.

Только когда машина свернула с дороги и въехала на насыпь, ведущую к старой усадьбе, Ришель позволила себе оживиться. Ноги её ступили на щебень. Стоило Флориану отправить Соломона парковаться, как она заговорщическим шёпотом произнесла:

— Нельзя же так!

— Нельзя что?

— Тащить меня знакомиться с вашей мамой. Я не знаю, как себя вести... да и... это слишком!

Флориан задумчиво взглянул на свой дом, увитый плющом; в окнах его горел свет. Старые грабы, окружавшие родовое гнездо клана Сальве, скрипели от редких порывов ночного ветра. Где-то в лесу ухали то ли совы, то ли сычи. Это место походило сразу и на вампирское логово из книг, и на старый полузаброшенный дворянский дом. Только современные машины, припаркованные во дворе, создавали некий диссонанс.

Упираясь рукой в бок, юноша неспешно притопывал ногой:

— Мадам Мартлет, как я и сказал ранее, что в УРК, что здесь, позвольте говорить мне и только мне. Ведите себя тихо. Соглашайтесь со всем, чего бы я ни сказал. Это понятно?

— Ну как бы...

— Я сказал, соглашайтесь.

Риш поморщилась: не любила она, когда ей командуют. Но он лучше знает свою мать, и если говорит, что достаточно

будет кивать да притворяться мебелью, пусть будет так.

— Хорошо, поняла.

— Вот и славно. Не переживайте, ваших актёрских талантов эта встреча не потребует.

— Моих чего?

Флориан шутливо улыбнулся.

— Не нужно будет изображать любовь. Достопочтенные юноши и девушки не демонстрируют страсть и нежность в присутствии родителей.

— А-а-а-а... — протянула она, не до конца осознавая сказанное. Её больше взволновало то, что однажды любовь всё-таки придётся изображать.

— И ещё одно, — проговорил Флориан.

— Что ещё?

— Если всё же откроете рот... Нет, не так. Если откроешь рот, не вздумай называть меня «господин Сальве». С этой секунды я для тебя Флориан.

— Лучше я просто не буду открывать рот, — буркнула она. Проблем с тем, чтобы называть людей по имени, у неё не было, и всё-таки это ощущалось слишком стремительным.

— Я же буду звать тебя Ришель.

— Зовите...

— Что ж... да, лучше вовсе не раскрывай рта, — бросил он на неё критический взгляд. — Пойдём. Матушка абсолютно точно уже унюхала меня и строит догадки, с кем это я прибыл.

Произнеся это, Флориан выставил вперёд локоть. На секунду Риш захотелось притвориться дурочкой, сделав вид, что жеста она не поняла. Но в конце концов: не сама ли в это связалась? Вытащив руки из карманов ветровки, Риш взяла аристократа под руку. Казалось, он должен был быть напряжён, но в лице его и в упругих шагах ощущался энтузиазм. Всё шло по плану.

Дойдя до массивной входной двери, Флориан легко отворил её. В паре шагов от порога в свете тускло горящих свечей замерла бледная фигура. Риш вздрогнула: не ожидала увидеть мать семейства Сальве так сразу, но, приглядевшись, поняла: их встретила служанка. Всем известно, что у аристократов есть слуги: Департамент подыгрывал богачам, считая персонал частью благородного семейства. Взгляд девушки источал спокойствие и в то же время чуткость к своему господину. Она молча поклонилась, сложенные на белом переднике руки взлетели и потянулись вперёд.

— Знакомься, это Ариэлла, — пояснил Флориан, выпуская руку Риш и в два шага оказываясь у неё за спиной. Он беззастенчиво стянул с её плеч ветровку и всучил молчаливой служанке вместе со своим пальто.

Такое самоуправство Ришель не нравилось, но и протестовать не имело смысла. Возможно, позже им стоит обсудить границы их фиктивных отношений. Но сейчас не до этого: под гулкие звуки собственных шагов, в полутьме коридора, она следовала за Флорианом. Юноша шёл быстро,

прекрасно зная, куда держит путь. Один поворот, второй, ещё пару метров, и вот впереди появилась дверь. Молодой Сальве, не снижая скорости, толкнул её, отворяя проход в большую гостиную. В ней горел свет, куда более яркий, чем могло дать пламя свечей. На удивление, комната выглядела неприбранной: вся была заставлена коробками и сложенными кое-как вещами. От одной горы хлама к другой чинно проплывала величественная дама.

— Mon petit*, наконец ты явился, сам же прекрасно понимаешь, что избегать меня вечно не получится. И кто это с тобой? Новый помощник? — Госпожа Сальве оторвала взгляд от стеклянного подсвечника, что крутила в руках, и взглянула на Риш. — Девушка? Пахнет низушкой... Кажется, я говорила, что их лучше оставлять за дверью? Есть же пристройка... И мне больше по нраву, когда ты берёшь в услужение людей. Соломон работает на тебя верой и правдой — в былые времена из него бы вышел чудесный фамильяр.

Госпожа Сальве внушала естественный трепет: она была статной женщиной, закутанной в тёмные меха. На груди её переливались рубины, а высокая причёска делала и без того заметный рост ещё более значительным. Ришель отчего-то ощутила удушающий стыд, почувствовала себя грязной и неопрятной, хотя таковой не была. Мигом собственные спутанные волосы и широкая простая одежда показались настоящим позором.

— Флориан...

— Ты права, мамá, нам нужно поговорить. Много времени это не займёт, очень скоро ты сможешь продолжить готовиться к переезду.

Точно. Они же переедут в Резервацию... родители Флориана. Не верилось, что госпожа Сальве сможет всё это увезти: серебристого цвета сервизы, канделябры, книги, шкатулки, резные деревянные фигурки, украшенные золотом большие часы. Всё это просто не поместится в комнату общежития, даже если им выделяют апартаменты на девятом.

— Садись, Ришель, — предложил Флориан.

Сойти с места оказалось непросто: глаза древней вампириши впились в душу и мозг. Сопротивляться цепкой хватке казалось нереальным. Но её спасла ладонь Флориана: та вновь скользнула ей под руку, и давление схлынуло, словно он выставил щит. Заглянув юноше в лицо, Риш обнаружила на том улыбку, приятную и располагающую. У кого-кого, а у Флориана с актёрскими талантами всё было в порядке.

Тонкие брови хозяйки дома скользнули вверх, но даже удивление не смогло стереть с её лица достоинства.

— Ну же... — вежливо приподняла уголки губ Сабрина. — Познакомь меня с нашей гостьей.

Женщина села на диван ровно напротив того, который заняли Флориан с Ришель. Мебель в комнате была упакована в чехлы, но не та, что стояла по центру.

— Мамá, это Ришель. Ришель Мартлет из Резервации. Ришель, это моя матушка, Сабрина.

Она помнила: ей говорить не требуется. Да она бы и не смогла — выдавила из себя кивок. Флориан же говорил так уверенно, будто репетировал заранее. Может, тем днём, что Ришель провела в кабинете?

— Из Резервации? Полагаю, для мадам Мартлет и не могло быть иного места.

Новая улыбка Сабрины обнажила клыки. Казалось, те готовы вцепиться в незваную гостью.

— Мы с Ришель собираемся пожениться, — без какой-либо подготовки огорошил родительницу Флориан.

В комнате мигом стало холоднее. Можно было поклясться: природа сего явления неестественна и, скорее всего, означала, что мать и не думала благословлять сына.

— Мой сын говорит правду, мадам Мартлет?

Ришель обещала, что будет поддакивать, но в логове двух высших вампиров, одному из которых нужно соврать в лицо, даже кивок являлся достижением. Сабрина подавляла в ней волю и внушала опасность вперемешку с животным страхом.

— Это правда, — громко заявил Флориан. — Или ты думаешь, я буду врать о таком?

— Если это правда, то она возмутительна! Я предпочту в неё не верить. *Mon cher**, тебе ли не знать, что это недопустимо! Моими стараниями ты обручён с дочерью мадам Бинска! Вам следует немедленно подтвердить сей союз у гемоников, ты и так слишком медлил! Понимаю твои чувства, это вопиющее бюрократическое варварство, но таковы реалии ми-

ра, в котором мы живём. Весь последний год ты игнорировал мои наставления, предпочитая заниматься своим этим... заведением... — презрительно выплюнула последнее слово Сабрина. — Именно поэтому тебе стоит разобраться со всеми вопросами незамедлительно! В ином случае вас с Бланкой могут отправить в разные части света, и ваше воссоединение потребует ненужных усилий.

Госпожа Сальве говорила деловито, с такими же нотками в голосе, с которыми сам Флориан предложил Ришель «брак». И тут и там не было особых чувств. Только расчёт и выгода.

— Мама́, как я неоднократно говорил, я глубоко признателен тебе за то, что ты устроила ту помолвку. Но сейчас предложению объединить наши кланы я вынужден дать отказ. Бланку я уведомил об этом в письме.

— *Mon chéri**... это же было... было... — У Сабрины дёрнулась бровь. — Бумажное письмо?

— Это было электронное письмо, мама́.

Аристократка скорчила такое лицо, будто встретилась с чем-то поистине безобразным.

— И что же ты хочешь сказать: всё потому, что ты влюбился в эту низушку? — усмехнулась женщина, отмахнувшись. — Даже если так, это абсолютно несущественно.

Краем глаза Риш заметила, как Флориан дёрнул головой, еле заметно, будто вздрогнул. Затем он придвинулся к ней ближе и, слегка надавив на ладонь, переплёл свои пальцы с

её. Ришель бы смутиться, но ей стало легче. Её ужасно пугала Сабрина, и Флориан, хоть и чужой человек, представлял собой какую-никакую опору.

— Экая глупость, — поморщилась госпожа Сальве, скользнув взглядом по их ладоням. — Не вижу нужды расторгать выгодный союз. — Сабрина возвела глаза к потолку и шумно выдохнула. — Иметь в любовницах парочку низушек для кого-то вроде тебя... приемлемо. Глядя на нас с твоим отцом, в это сложно поверить: мы последние столетия исключительно друг другу верны, но... в обществе это никогда не порицалось.

Флориан недовольно цокнул языком. Он будто пытался подобрать к Сабрине ключ, пробить броню, но пока терпел поражение за поражением.

— Мама́, ты забываешься. Несколько дней, и привычная нам жизнь обернётся крахом. Ты знаешь, что я не смогу взять Ришель с собой, если только мы с ней не поженимся. Если же сделаем это, то сможем остаться здесь. В Мошкавце. Там же, где и вы с папа́.

Голос юноши звучал всё так же собранно, хоть в нём уже и проглядывалось лёгкое волнение.

— Не ты первый, не ты последний, кто наступит на горло своим желаниям. Я тоже не собиралась выходить замуж за твоего отца. Моего благословения ты не получишь. Но... — Сабрина бросила взгляд из-под длинных ресниц, — если тебе так неймётся, можешь променять нашу кровь на... это.

Рука Флориана сжалась. Он скользнул взглядом по лицу Ришель, а затем вновь посмотрел на мать, крайне решительно.

— Мама́, у нас с Ришель будет ребёнок.

Риш захотелось вскочить. Выдернуть ладонь из рук аристократа, извиниться непонятно перед кем и за что и бегом кинуться в Резервацию. Но она застыла. Что он только что произнёс? Ребёнок? Какой ещё ребёнок? Этого не было в их договоре. Будь Ришель человеком, её лицо сейчас бы залила краска, как это происходило раньше, когда она оказывалась в постыдной ситуации. И хоть лицо не багровело, смущение никуда не делось: сознание, пытаясь ретироваться, сжалось до крошечной точки.

— О... — только и издала одинокий звук госпожа Сальве.

Похоже, в гостиной намечалась целая выставка заиндевелших фигур. Один только Флориан резко поднялся и живо зажеликулировал. Тут же захотелось усадить его обратно: хотелось, чтобы он вернулся, хотелось вцепиться в него мёртвой хваткой.

— Я полагал обнадёживать тебя раньше времени поистине безответственно. Лучше тебя никто не знает, как сложно сохранить вампиру дитя...

Сабрина поднялась с места вслед за сыном. Она выросла словно гора, покрытая вельветом и мехом. Её указательный палец с длинным ногтем взмыл ввысь.

— Молчать, Флориан!

— Я...

— Молчать!

Все стеклянные поверхности в комнате задребезжали. Ноготь Сабрины устремился в сторону Ришель, рука провернулась в локте, и длинные тяжёлые рукава покатались вниз. Нижний край почти достиг пола.

— Хочешь сказать, это недоразумение... эта безродная низушка носит под сердцем первого за восемьдесят шесть лет наследника клана Сальве?

Флориан открыл было рот, но ответить ему не дали. В таком виде он походил больше на провинившегося мальчишку, нежели на взрослого мужчину.

— Пришёл поставить меня перед фактом? Обязать смириться лишь оттого, что низушки более плодовиты, чем мы, высшая кровь? Хочешь сыграть на моём желании обзавестись наследником этому дому? Это ведь так легко, так просто, Флориан, — поставить меня в тупик. Ведь твой брат Лоренц за семьдесят последних лет сменил трёх чистокровных жён и так и не произвёл на свет потомства. А Беван и Милборн... и они туда же: женились не так давно, и всё же за тридцать лет ни от жён, ни от любовниц не появилось дитя...

— Я... мамá...

Со стороны казалось, госпожа Сальве высказывает недовольство даже не собственному сыну: она вслух борется с вещами, что волновали её, и только её, сердце. Флориан знал, куда бить. Сабрина поджала губы и села на место.

— Я полагаю, ты не оставляешь мне выбора, mon chéri*. Будь по-твоему. Женись, коль надумал. Но даже не лелей надежд на то, что я запрещаю себе совать нос в ваши дела. Наоборот, раз ты останешься здесь, отныне это и мои дела тоже.

На лице Флориана меж тем просияла улыбка: ликование от собственной победы. Словно не зная, куда деть переполнявшие его чувства, он сделал пару шагов туда-сюда и вновь уселся на диван.

— Сердечно тебя благодарю, матушка!

Госпожа Сальве же скользнула взглядом по фигуре Ришель, словно заставляя себя смотреть на неё.

— Ну, а что же вы, мадам... Мартлет? — сделала Сабрина ударение не на тот слог. — Чем занимаются ваши родители?

Ришель растеряннo заморгала. Её испуганный вид вряд ли мог укрыться от цепких глаз высшей вампирки. Оставалось надеяться, что та привыкла к тому, что низшие трясутся в её присутствии.

— А? — пискнула Ришель.

Флориан, как и обещал, не собирался давать ей говорить. Он положил руку Риш на плечо, деликатно приобнимая.

— Прости нас, мамá, мы бы поговорили ещё, но нам нужно спешить...

— Что же, и на «чай» не останетесь?

— Как ты и сказала, нас ждёт «варварская бюрократия». Расскажешь обо всём папá, хорошо?

Мадам Сальве вздохнула, вздёрнула острый нос и прого-

ворила:

— Кто же, как не я?

Mon petit — малыш мой.

Mon cher — дорогой мой.

Mon chéri — милый мой.

(здесь и далее французский язык условен: в мире произведения он не существует как таковой, а используется для обозначения иностранной, заморской речи)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.